This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

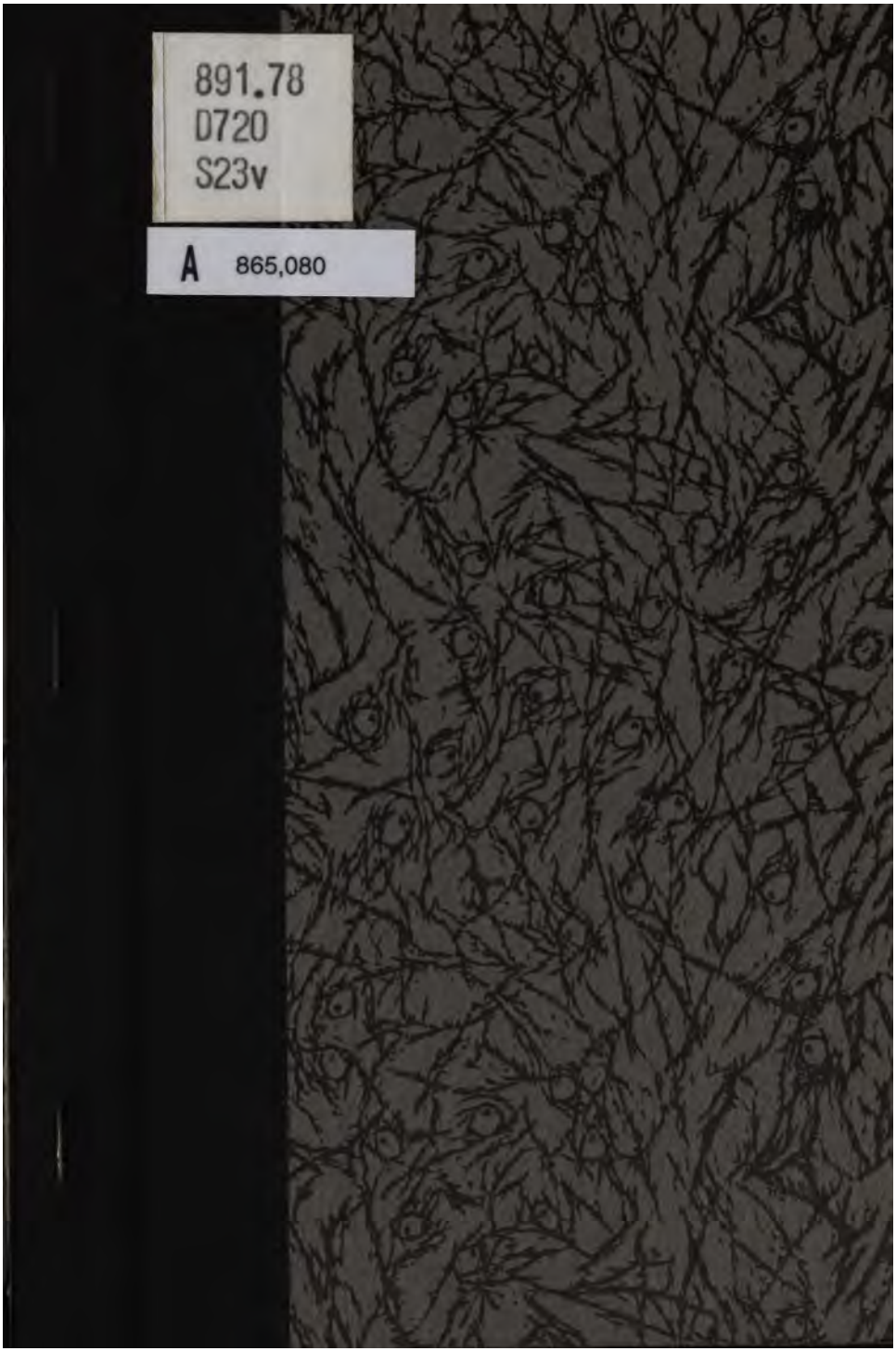
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

891.78
D720
S23v

A 865,080



THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

ВЪ ПАМЯТЬ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

14-го Февраля 1881 года.

(Рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Н. Майкова, Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера. Стихи К. К. Случевскаго и М. А. Хитрово. Отчетъ о дѣятельности Общества въ 1880 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Добродѣева, Троицкій пер., д. № 32
1881

891.78
D720
S23v

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1-го Мая 1881.

Торжественное Общее Собраніе гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшееся 14 Февраля 1881 г., въ залѣ городской думы было все цѣло посвящено памяти покойнаго товарища предсѣдателя Ѳ. М. Достоевскаго. Собраніе состоялось подъ предсѣдательствомъ К. Н. Бестужева-Рюмина, въ присутствіи членовъ Совѣта: А. В. Васильева, И. Ѳ. Золотарева, О. Ѳ. Миллера, В. Г. Чубинскаго и протоіерея І. К. Яхонтова, членовъ Общества: П. В. Алабина, Н. Н. Бестужева-Рюмина, Ѳ. И. Богословскаго, князя А. И. Васильчикова, Г. С. Веселитскаго-Божидаровича, К. Я. Грота, Н. Н. Дворяшина, В. П. Дельсаля, Е. М. Диллена, Э. К. Длотовскаго, И. И. Домонтовича, М. А. Домонтовича, П. В. Евстафьева, А. Ѳ. Ечинаца, Е. Е. Замысловскаго, И. П. Звѣрева, А. П. Ильяшенко, Н. В. Кидошенкова, С. И. Кокеша, И. П. Корнилова, Ѳ. П. Корнилова, М. О. Кояловича, В. И. Ламанскаго, М. И. Лихачева, В. М. Львова, А. Н. Майкова, Л. Н. Майкова, П. П. Менделѣева, П. Г. Моравека, В. И. Нечаева, М. С. Никольскаго, С. Л. Никольскаго, Н. Р. Овсянаго, П. Д. Паренсова, С. В.

Петрова-Батурича, Н. П. Писаревскаго, С. Л. Пташицкаго, М. П. Розенгейма, Н. И. Розова, К. К. Случевскаго, А. А. Смирнова, И. И. Соколова, М. И. Соколова, А. П. Станчо-Дмитри, Н. Н. Страхова, А. Н. Уреніуса, В. В. Фидровскаго, Т. Д. Флоринскаго, Ю. О. Шрейера, В. А. Шрута, А. А. Штакеншнейдера, К. А. Шумкова и И. Ѳ. Щербатскаго, при секретарѣ В. И. Аристовѣ.

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ болѣе 700 постороннихъ посѣтителей.

Засѣданіе было открыто въ 8¼ вечера.

По открытіи засѣданія, по предложенію Предсѣдателя, Секретарь Общества прочелъ отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1880 г., при семъ прилагаемый.

Затѣмъ Предсѣдатель обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

Мм. Гг. Въ день, когда мы обыкновенно пересчитываемъ наши утраты, собрались мы и на этотъ разъ помянуть отшедшаго отъ насъ сочлена, помянуть того, кто ровно годъ тому назадъ наэлектризовалъ все собраніе, читая свое исповѣданіе вѣры, въ которомъ съ свойственною только ему геніальною яркостію выразилъ общую мысль всѣхъ тѣхъ, кто душею и сердцемъ принадлежитъ нашему Обществу, кто душею принадлежитъ своему народу и вѣритъ въ него, и этимъ чтеніемъ какъ будто еще болѣе закрѣпилъ въ умахъ и сердцахъ чисто русское воззрѣніе. Вы помните этотъ вечеръ, вы помните всю ту пору, когда раздавалось такъ много голо-

отчаянія и невѣрія въ Россіи, вы помните какою
ою повѣяло на всѣхъ присутствовавшихъ, когда
шалось мощное, полное вѣры въ себя, глубоко ду-
ое и исторически-правильное русское слово, то сло-
ь которомъ все прошедшее и будущее Руси—слово
лово нравственнаго единенія всѣхъ стихій русской
Всѣ мы почувствовали тогда, что геніальный
, давно уже ставшій учителемъ и врачемъ всѣхъ
ыхъ душею,—а ихъ въ Россіи въ наше время мно-
всѣхъ тѣхъ, кто приходилъ къ нему искать опоры
азшатавшейся души своей и уходилъ отъ него об-
ный, всѣ мы почувствовали тогда, говорю я, что
ль этотъ сталъ по преимуществу нашимъ учите-
что нравственно-религіозная идея, имъ выражае-
въ формѣ романа, и въ формѣ поученія, есть та
которою давно живетъ наше общество, но кото-
никогда не выражалась въ такомъ яркомъ образѣ.
сегда вѣрили въ то, что лишь народная правда,
ая историческая правда есть настоящая полная
а; но вѣра наша была какою то отвлеченною вѣрою.
нная уединенною дѣятельностью кружка мыслите-
илософовъ и богослововъ, поддержанная историка-
этнографами, провозглашенная вѣщими поэтами
убокихъ, но не всѣмъ ясныхъ образахъ, идея эта
себѣ орудіе въ нашемъ Славянскомъ Обществѣ
ою и о Москвѣ и о Петербургѣ—общество, какъ
аете, было всегда одно) и на короткое мгновеніе
сь съ памятнымъ для всѣхъ подъемомъ народнаго
подъемомъ, историческое значеніе котораго бу-

детъ становиться все яснѣе и яснѣе, подъемомъ, который я позволилъ себѣ когда-то сравнивать съ первымъ появленіемъ русскаго народа на историческую сцену,— совершилась великая эпопея, свидѣтельствующая о томъ, что во всемъ русскомъ народѣ жилъ духъ творчества, что жизнь его, его міровая жизнь, только начинается. Все это чувствовалось, но не ясно сознавалось. Связь между вѣщимъ словомъ поэтовъ и мыслителей и тѣмъ героизмомъ и самопожертвованіемъ, которые стали историческимъ фактомъ, была неясна; связь между ними чувствовалась и то далеко не всѣми. Начались тяжелыя недоразумѣнія всякаго рода; не здѣсь и не въ короткихъ словахъ останавливаться на нихъ. И вотъ въ самое тяжелое мгновеніе, когда порокъ, какъ выразились бы наши предки, опутывалъ души, послышалось то бодрящее слово, о которомъ я говорилъ. 14 Февраля 1880 г. Ѳ. М. Достоевскій прочелъ въ торжественномъ собраніи нашего Общества, написанный имъ всеподданнѣйшій адресъ Государю Императору по случаю 25-лѣтія Его царствованія. Кто былъ въ этомъ собраніи, тотъ помнитъ впечатлѣніе, кто не былъ, тому я не чувствую себя въ силахъ передать хотя бы слабое его подобіе. Въ Іюнѣ прошлаго года, представляя наше Общество на о́бще русскомъ торжествѣ—открытія пушкинскаго памятника, Ѳ. М. произнесъ рѣчь. Кто не читалъ, по крайней мѣрѣ, если не слышалъ этой рѣчи, кто не знаетъ того впечатлѣнія, которое она произвела? Рѣчь эта, какъ тогда же сказалъ И. С. Аксаковъ, была «*событіемъ*». Значеніе «событія» вполнѣ еще откроется

впереди; но и теперь нельзя не видѣть, что значеніе это, если не вполнѣ понятно, то почувствовано и тѣми, кто восторженно сталъ за рѣчь, и тѣми, кто усомнился въ ея смыслѣ и старался другихъ отвратить отъ признанія того смысла. Таково всегда впечатлѣніе событій въ мственномъ мірѣ! Таково значеніе геніальнаго слова. оторое вноситъ въ міръ — гармонію съ одной стороны, ечь — съ другой. Давно ли былъ этотъ Іюнь мѣсяцъ, о что я говорю, — давно ли мы слышали въ засѣданіяхъ нашего Совѣта горячія рѣчи Достоевскаго о потребности намъ имѣть свой органъ, органъ который проодилъ бы въ Общество русскую идею нашу, ту идею, оторою мы жили, и которая съ полною яркостью вста-а передъ нами въ образѣ самого Достоевскаго — онъ амъ своею личностью, своимъ словомъ и дѣломъ предгавлялъ идею, для него идея не была только предмеомъ разсужденія, не выражалась только частію его ѣятельности, она охватывала все его существо, выскавалась въ каждомъ его дѣйствіи. Какъ Гамлетовъ гецъ

«Человѣкъ онъ былъ... Изъ всѣхъ людей
Мнѣ не видать уже такого «человѣка!

Многаго можно было ожидать впереди: мы всѣ вѣли, что журналъ, если онъ состоится, журналъ, дуою котораго станетъ Достоевскій, будетъ несомнѣнно звитіемъ и дополненіемъ его адреса, его рѣчи; но прошло еще и трехъ недѣль послѣ этого памятнаго сѣданія, — а Достоевскаго не стало между нами.

Петербургъ и вся Россія (во многихъ мѣстахъ служили панихиды, отовсюду неслись сочувственные отзывы) показали, что они умѣютъ цѣнить своихъ великихъ людей. Разомъ выяснилось какъ дорогъ былъ всей землѣ ея учитель. Намъ, людямъ, кажется, что Достоевскій рано вышелъ изъ этого міра, рано оставилъ насъ и еще не укрѣпилъ въ насъ сознанія великаго дѣла, предназначеннаго русской землѣ, еще не воспиталъ въ насъ убѣжденія въ необходимости нравственнаго пересозданія каждаго изъ насъ, ибо только на мысли о нравственномъ умосовершенствованіи, на требованіи возведенія въ сознаніе безсознательно жувущей въ народѣ правды, основано было ученіе Достоевскаго. Такъ мы судимъ, какъ люди, но — вѣримъ — свыше предопредѣлено иное; вѣримъ, что не даромъ около гроба собралось такое множество, что идея, выражаемая всею жизнью Достоевскаго, достигшая яснаго и спокойнаго вполнѣ сознательнаго выраженія въ его послѣдніе годы — не только не умерла съ нимъ, но будетъ жить все шире и шире, что народъ, стихійный носитель этой великой идеи, выставитъ рядъ сознательныхъ мыслителей, которые пойдутъ по стопамъ великихъ учителей — теоретиковъ и великаго проповѣдника, котораго теперь мы поминаемъ. Будемъ вѣрить съ вѣщимъ поэтомъ славянства, съ его глубочайшимъ мыслителемъ, что ключъ, бьющій въ груди Россіи

«Водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ:
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше
И глубже будетъ литься онъ.

И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ. —
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.
Смотрите мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли.»

Проникнемся же всѣ этой вѣрою, какъ ею проникъ былъ Достоевскій; но «вѣра безъ дѣлъ мертва », дадимъ же сами себѣ слово на всѣхъ поприщахъ ей дѣятельности, и въ средѣ общества и внѣ ея, кить народной правдѣ. Будемъ исполнять этотъ гъ, будемъ заботиться о сознаніи этой правды и остальное приложится намъ. Это послѣдній завѣтъ гоевскаго, это выводъ изъ послѣдняго № «Дневника ателя». Да пребудетъ же этотъ завѣтъ нашимъ не-Ѣннымъ руководителемъ на всѣхъ путяхъ жизни. амъ

«Не вѣрь въ святую Русь кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой —
И Богъ побѣды не отстрочитъ
Въ угоду трусости людской.»

Послѣ рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина, О. Ѳ. Миллеръ прочелъ слѣдующее стихотвореніе К. К. Случевскаго:

«Три дня въ туманѣ солнце заходило...
И на четвертый день безмѣрно велика,
Какъ нѣкая духовная рѣка,
Тебя толпа къ могилѣ уносила...
И отъ свѣчей въ рукахъ, отъ пламени кадила,
Отъ блеска нашихъ слезъ и отъ живыхъ цвѣтовъ,
Свѣтлѣвшихся на зелени вѣнковъ —
Безсмертіе, прійдя, твой свѣточъ засвѣтило...
И приняла тебя земля твоей отчизны! —
Дороже стала намъ одною изъ могилъ
Земля, которую безъ всякой укоризны,
Ты такъ мучительно и смѣло такъ любилъ!...»

Вслѣдъ за стихотвореніемъ О. Ѳ. Миллеръ прочелъ слѣдующую рѣчь А. Н. Майкова:

Милостивые государи!

На похоронахъ Ѳеодора Михайловича многіе выражали желаніе, говорили даже, что я долженъ сказать что-нибудь о покойномъ: я тогда отвѣчалъ, что это мнѣ очень трудно. Теперь прошло нѣсколько недѣль, — я чувствую то же затрудненіе. Можетъ быть причина этого затрудненія заключается въ слишкомъ близкихъ и слишкомъ давнихъ моихъ отношеніяхъ къ покойному. Потомъ, вотъ чего боюсь: очень часто случается, что, желая говорить о знаменитомъ покойникѣ, говорящіе болѣе высказываютъ себя, чѣмъ изображаютъ его; мнѣ бы не хотѣлось впасть въ эту

ибку, — но едва ли возможно мнѣ ея избѣгнуть — нно вслѣдствіе близкихъ нашихъ отношеній. Они ановились почти съ самаго появленія въ печати дныхъ людей», прервались въ 49-мъ году на много ъ; но возобновились тотчасъ же по возвращеніи дора Михайловича изъ Сибири. Годы, проведенные за границей съ 1867 года по 1871 включительно, вали между нами постоянную переписку, которая болѣе закрѣпила въ насъ общность идей и взгля-ъ, симпатій и антипатій, такъ что по возвращеніи изъ-за границы въ Петербургъ видаться часто сдѣ-ось нашею взаимною потребностью. Но мы видались, орили и переписывались какъ всѣ простые скромные ртные, — ничего не подозрѣвающіе. Смерть преръ а эти бесѣды — и вдругъ надъ гробомъ Ѳеодора айловича раздался всеобщій голосъ публики, и не ько здѣшней публики, но всей читающей Россіи, что ъ мой давній собесѣдникъ, другъ и пріятель — ій, что онъ въ своихъ трудахъ принесъ цѣлое откро-іе; молодежь называетъ его своимъ учителемъ, ора-ы провозглашаютъ его пророкомъ. Его берутъ, такъ зать, отъ его близкихъ, отъ спутниковъ его жизни, ь не отъ семьи, и объявляютъ его достояніемъ цѣ-Россіи. Что намъ остается дѣлать при громѣ этого говора, несущагося со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ растовъ, со всѣхъ ступеней общества — намъ, его шимъ друзьямъ? Намъ остается только отступить, озь слезы радоваться за усопшаго друга, и присое-ить свой голосъ къ общему голосу.

Но вмѣстѣ съ этимъ и мы, бывшіе близкіе люди, получили особенное значеніе, мы вдругъ очутились въ совсѣмъ особенномъ положеніи. Къ намъ предъявляются уже совсѣмъ новые для насъ вопросы. Отъ насъ хотятъ услышать интимныя подробности о покойномъ. Отъ насъ ждутъ множества отвѣтовъ на множество вопросовъ, которые даже едва-ли кто формулировать можетъ. Всѣ какъ будто вдругъ открыли Достоевскаго, и всѣ поскорѣй («главное поскорѣй», какъ говорилъ покойный) хотятъ узнать и опредѣлить, что такое Достоевскій? «Все, все скажите», говорятъ намъ.

Но близкіе люди, что они скажутъ, застигнутые врасплохъ? Спросите Анну Григорьевну о Ѳеодорѣ Михайловичѣ—она скажетъ: «ахъ, какой это былъ мужъ! какъ онъ меня любилъ, какъ я его любила»! Друзья что скажутъ? Ихъ отвѣты будутъ детальные, отрывочные, анекдотическіе, пожалуй, а никакъ ужъ не отвѣчающіе на предъявленные вопросы. Словомъ, отвѣты не интересные. Что до меня, по крайней мѣрѣ, я бы никогда ими не удовлетворился.

О великихъ людяхъ, о великихъ писателяхъ мнѣ не особенно интересно знать, въ какомъ домѣ они жили, какое платье носили, видѣть вещи, имъ принадлежавшія; въ старину, бывало, цѣнились табатерки, изъ которыхъ они нюхали табакъ, шляпы, чернильницы, перья и т. д. Вся мелочная обстановка ихъ жизни, это — только краски, штрихи, подробности. Для меня всегда важнѣе внутренній міръ писателя, и особенно русскаго писателя, его идеалы—нравственные, философ-

ские, политическіе, его пониманіе Россіи, ея значенія въ іірѣ, ея исторіи; мнѣ интереснѣе этотъ, такъ сказать, идеальный очеркъ писателя, его душевный и умственный портретъ. Но дадутъ ли вамъ его близкіе люди? И къ нимъ ли надобно обратиться, чтобы его составить и нарисовать? Нѣтъ, всякій лучше можетъ сдѣлать это самъ, и обратиться не къ пріятелямъ, а къ самому лицу, о которомъ хочешь узнать. А это лицо — не умерло. Писатель, художникъ, мыслитель живетъ въ своихъ произведеніяхъ. Читайте ихъ, вдумывайтесь въ нихъ, разгадывайте смыслъ выведенныхъ ими образовъ, прочтите въ нихъ недосказанное — и вы войдете въ самые тайники души писателя, и узнаете его, можетъ быть, лучше, чѣмъ его близкіе, узнаете изъ нихъ болѣе, чѣмъ изъ всей его обстановки, трудолюбиво составленной біографіи, болѣе даже, чѣмъ изъ посмертной переписки, ибо въ письмахъ человѣкъ пишетъ иногда подъ вліяніемъ минуты, иногда шутки, и шутка принимается за серьезное: вѣдь напечаталъ же одинъ педагогъ (а другой перепечаталъ) о Батюшковѣ, на основаніи его собственноручнаго письма, что поэтъ «былъ честолюбивъ и жаждалъ чиновъ и отличій». Педагогъ шутки-то не понялъ.

Но, однако же, мы бесѣдовали съ нимъ по многимъ часамъ въ теченіи многихъ лѣтъ, вырабатывали сообща многія идеи, спорили, судили другъ друга, помогали такимъ образомъ одинъ другому уразумѣвать вещи. Текущія дѣла, отдѣльные случаи частной и общей жизни, великія событія, которыя мы пережили во

внутренней жизни нашего отечества и на міровомъ поприщѣ, — все это приводилось къ своему всемірно-историческому значенію: все мелкое, случайное, преходящее приводилось въ логическую связь съ общимъ началомъ. Узнать прошедшее, чтобы понять настоящее и угадать будущее, — вотъ что было характеромъ бесѣдъ съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ; дойти до пониманья — вотъ къ чему онъ стремился, вотъ чего онъ желалъ всѣмъ. О, если бы люди только «поняли»,—на землѣ былъ бы рай», говаривалъ онъ. Мы ужъ знали, что значило это «если бы люди поняли», т. е. что именно поняли? — Да полагаю, что догадываетесь и вы, милостивые государи. Это онъ говорилъ о людяхъ вообще, о родѣ человѣческомъ. Но сердце его въ особенности горѣло по Россіи.

Разъ я прочелъ ему одно мое стихотвореніе, обращенное когда-то мною къ Ѳ. И. Тютчеву; — вотъ это стихотвореніе:

«Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы,
Стоятъ передъ тобой своей идеи полны,
Какъ вдругъ застывшія въ разбѣгѣ бурномъ волны,
Какъ въ самый жаркій мигъ отчаянной борьбы
Окаменѣвшіе атлеты....
Ты видишь ихъ насквозь, ихъ тайну ты постигъ,
И ясенъ для тебя и настоящій мигъ,
И тайные грядущаго обѣты....
Но грустно зрячему бродить между слѣпыхъ,
Твердить: «Поймите лишь — и будетъ вамъ прозрѣнье!
Поймите лишь, какихъ носители вы силъ,
И путь освѣтится, и упадутъ сомнѣнья,
И дастся вамъ само, что жребій вамъ судилъ!...»

Ѳеодоръ Михайловичъ воскликнулъ: «Да, да, пой-ите лишь! именно, именно, только бы поняли! Да ѣтъ не поймутъ! Знаете, если у насъ что и дѣлаютъ ногда какъ слѣдуетъ, такъ это по инстинкту, а не ознательно. Николай Чудотворецъ дѣлаетъ.... А что жь ы думаете, продолжалъ онъ,—многіе насъ понимаютъ? се, молъ, это квасъ! шовинизмъ! мистицизмъ! искус-ство для искусства!»...

Послѣ кликовъ, рукоплесканій и вѣнковъ, которыми достоивали его на публичныхъ чтеніяхъ, опять онъ оваривалъ: «да, да, все это хорошо, да все-таки глав-аго не понимаютъ»!

Теперь, послѣ торжественныхъ похоронъ, послѣ ромкихъ рѣчей, послѣ множества хвалебныхъ статей ъ газетахъ и журналахъ — невольно въ памяти моей ыступаетъ опять этотъ же вопросъ, который задавалъ овольно часто Ѳеодоръ Михайловичъ: а многіе ли по-имаютъ его и понимаютъ ли то, что онъ называлъ авнымъ?

Отвѣчать на себя не беру, но кончу мою бесѣду некдотомъ, какъ любилъ, бывало, кончать серьезную ѣчь покойникъ.

Одинъ почтенный совѣтникъ, который былъ знакомъ ь Достоевскимъ до исторіи Петрашевскаго и не ви-ался съ нимъ и по возвращеніи Ѳеодора Михайловича зъ Сибири до прошлаго года, встрѣтился съ нимъ въ дномъ блестящемъ обществѣ.

Старые пріятели, отрекомендованные другъ другу,

вспомнили старое знакомство, завязался весьма дружескій разговоръ — пріятель сказалъ:

«Какое, однако, несправедливое дѣло было это ваша ссылка».

— «Нѣтъ, коротко, какъ всегда, обрѣзываетъ Достоевскій — нѣтъ, справедливое. Насъ бы осудилъ русскій народъ. Это я почувствовалъ тамъ только, въ каторгѣ. И почемъ вы знаете, — можетъ быть тамъ, на Верху, т. е. Самому Высшему, нужно было меня привести въ каторгу, чтобъ я тамъ что-нибудь узналъ, т. е. узналъ самое главное, безъ чего нельзя жить, иначе люди съѣдятъ другъ друга, съ ихъ матеріальнымъ развитіемъ; ну-съ, и чтобы это самое главное я вынесъ оттуда, потому что оно пока скрывается голько въ народѣ, хоть онъ гадокъ, воръ, убійца, пьяница; такъ чтобъ я вынесъ это оттуда и другимъ сообщилъ, и чтобъ другіе (хоть не всѣ, хоть очень не многіе) лучше стали хоть на крошечку — хоть частичку бы приняли, хоть бы поняли, что въ бездну стремятся, и этого довольно. И этого ужъ много. И изъ-за этого стоило пойти на каторгу».

Какое же впечатлѣніе произвелъ на совѣтника этотъ взглядъ Ѳеодора Михайловича на роковое событіе его жизни, взглядъ, не разъ такъ или иначе выраженный имъ въ его «Дневникѣ Писателя»? Совѣтникъ, отойдя отъ Достоевскаго, съ искреннѣйшимъ сожалѣніемъ, качая головою, говорилъ его окружающимъ:

— Экая жалость, экая жалость!

— Что такое?

— Да вотъ, Достоевскій — совсѣмъ сумасшедшій. Богъ знаетъ какой мистицизмъ несетъ.

Къ чему-жъ этотъ анекдотъ?

Да просто къ тому, чтобы выразить надежду, что такихъ совѣтниковъ не много!

Затѣмъ Н. Н. Страховъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Мнѣ досталось счастіе быть очень близкимъ къ покойному Ѳеодору Михайловичу въ послѣднія двадцать лѣтъ, особенно же въ началѣ этого времени. Я былъ постояннымъ и ревностнымъ сотрудникомъ журналовъ «Время» и «Эпоха»; мы вмѣстѣ ѣздили за границей въ 1862, вмѣстѣ хоронили въ 1864 редактора этихъ журналовъ Михаила Михайловича Достоевскаго и ихъ главнаго критика Аполлона Григорьева; потомъ во время изданія «Зари», когда Ѳедоръ Михайловичъ жилъ за границею, онъ былъ сотрудникомъ «Зари», съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за этимъ журналомъ, и мы съ нимъ вели дѣятельную переписку; а когда онъ вернулся и былъ одинъ годъ редакторомъ «Гражданина», я былъ усерднымъ вкладчикомъ этого журнала.

Въ началѣ этихъ годовъ, когда мы жили въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга и занимались исключительно журнальною работою, мы видались каждый день, и даже не разъ въ день; мы разговаривали безъ конца и такъ сговорились, что и до послѣдняго времени ни съ кѣмъ другимъ я не могъ вести такихъ живыхъ и разнообразныхъ разговоровъ, какіе у насъ неудержимо начинались при каждой встрѣчѣ.

Мнѣ нельзя не гордиться былымъ расположеніемъ та-

кого человѣка, и я постоянно чувствовалъ къ нему
не перестану чувствовать глубокую благодарность
одобреніе, которымъ онъ меня встрѣтилъ; оно было без-
конечно дорого для начинающаго и оно постоянно вну-
шало мнѣ радость и бодрость. Но я вовсе не хочу
себѣ говорить; я хотѣлъ только оправдать передъ вами
свою смѣлость и объяснить, почему могли пожелать отъ
меня какихъ нибудь воспоминаній о дорогомъ покой-
никѣ. Я познакомился съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ въ
концѣ 1859 года. Настроеніе кружка, въ который я
тогда вступилъ, во многомъ для меня было ново и не-
ожиданно. Это было одно изъ знаменитыхъ направленій
сороковыхъ годовъ, направленіе очевидно сложившееся
подъ вліяніемъ французской литературы. Теперь, изда-
ли, совершенно понятно могущество, съ которымъ от-
разилась на насъ нѣкогда духовная жизнь Европы. Меж-
ду 1830 и 1848 годомъ, между іюльской и февральской
революціей, Европа пережила едва ли не самую счаст-
ливую эпоху своей исторіи. Это было время надеждъ и
вѣрованій, предшествующее жестокимъ разочарованіямъ.
Въ настоящее время Европа потеряла свои идеалы; ея
политическая жизнь, и именно съ 1848 года, все боль-
ше и больше проникается матеріализмомъ; и въ нрав-
ственномъ и въ умственномъ отношеніи она несомнѣнно
дичаетъ, несмотря на всякіе успѣхи. Но не то было въ
счастливую эпоху до 1848; Европа крѣпко вѣрила въ
себя; ея политическія мечтанія были свѣтлы и радост-
ны, къ нимъ не примѣшивалось никакой мысли о крови
и огнѣ; литература, поэзія, философія были исполнены

жизни и стремились подняться къ какимъ-то недосягаемымъ высотамъ. Франція, какъ всегда, занимала первое мѣсто по жизненности и опредѣленности своихъ стремленій. Понятно, почему подобный разцвѣтъ европейской жизни долженъ былъ сильно подѣйствовать на насъ, вѣчныхъ учениковъ Европы; впослѣдствіи я часто, однако же, удивлялся, что въ 1859 году, когда Европа давно уже вступила въ свой нынѣшній безрадостный періодъ, у насъ продолжало жить и дѣйствовать, и долго увлекало меня самого, одно изъ минувшихъ европейскихъ настроеній. Очевидно, мы всегда отстаемъ отъ Европы, отстаемъ потому, что не живемъ ея жизнію, а беремъ отъ нея только мысли, которыя часто сохраняемъ навсегда, оставаясь глухи и нѣмы къ новымъ урокамъ нашей учительницы.

Въ томъ настроеніи 1859 года, о которомъ я говорю, я могу указать на двѣ черты, отразившіяся очень ясно на дѣятельности Достоевскаго. Во-первыхъ, проповѣдывалась совершенная гуманность къ человѣческимъ слабостямъ и даже преступленіямъ. Сожалѣніе къ людямъ, объясненіе ихъ дурныхъ поступковъ изъ обстоятельствъ и строя общества, прощеніе всего того, что не составляло прямо злаго нарушенія чужой безопасности, словомъ безграничная мягкость отношеній считалась неизмѣннымъ правиломъ. Во-вторыхъ, литературѣ, художеству давалась опредѣленная задача. Художникъ долженъ быть въ сущности политикомъ и публицистомъ; онъ обязанъ слѣдить за развитіемъ общества, схватывать образы новыхъ и новыхъ типовъ, которые въ немъ

зарождаются, и показывать ихъ корни, объяснять источники того зла и добра, которыя они въ себѣ представляютъ. Проповѣдь извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ вмѣшательство въ вопросы минуты — вотъ что ставилось главнымъ правиломъ.

Скажу прямо, что оба правила были вредныя, и мнѣ довелось потомъ видѣть жестокій вредъ, испытанный отъ нихъ нѣкоторыми членами литературныхъ кружковъ. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ уроковъ моей литературной жизни. Правила эти вредны не потому, что они не вѣрны, а потому, что они не полны, не достаточны, что ихъ слѣдуетъ дополнить такими прибавками, которыя важнѣе самихъ правилъ. Казалось бы, что можетъ быть лучше гуманности? Или что можетъ быть интереснѣе такого художественнаго произведенія, въ которомъ ясно и глубоко отразилась современная минута? Между тѣмъ гуманность безъ руководящихъ началъ ведетъ часто къ распущенности нравовъ, какъ это было во времена Цезарей и въ XVIII вѣкѣ. Одного снисхожденія къ людямъ, одного сожалѣнія къ ихъ страданіямъ мало; нужно еще знать, за что любить людей, нужно понимать, въ чемъ красота и достоинство души человѣческой. Точно такъ художникъ только тогда можетъ дѣйствительно служить минутѣ, когда у него крѣпки на душѣ начала, годныя на вѣки-вѣчные. А иначе, какъ это часто и бывало, онъ будетъ не учителемъ, а рабомъ минуты.

Что касается Достоевскаго, то при своей удивительной широтѣ ума и сердца онъ никогда вполнѣ не под-

чинялся односторонности своего направленія. И чѣмъ дальше онъ дѣйствовалъ, т. е. писалъ, тѣмъ яснѣе у него выступали другія, истинныя начала. При концѣ своей жизни онъ прямо высказался за формулу *искусства для искусства*, т. е. за самостоятельность, за свободу художества, и точно также уже давно всѣ общественные идеалы онъ подчинилъ одному вѣковѣчному идеалу *Христа*. Съ Достоевскимъ случилось то же, что совершается вотъ уже болѣе столѣтія со всѣми нашими крупными писателями; всѣ они начинали съ того, что увлекались *чужимъ*, и всѣ потомъ возвратились *къ своему*. Такъ было отчасти съ фонъ-Визинымъ и очень ясно съ Карамзинымъ. Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ. Достоевскій въ этомъ отношеніи—новый соблазнъ нашимъ западникамъ, новый и огромный поводъ къ раздраженію противъ русской литературы.

Эти внутренніе перевороты, совершающіеся у насъ съ лучшими душами, часто называютъ измѣной, отступничествомъ; но едва ли на комъ такъ ясно можно видѣть, какъ на Достоевскомъ, что часто все дѣло тутъ только въ развитіи, въ раскрытіи задатковъ, лежавшихъ въ натурѣ человѣка, а не въ перемѣнѣ однихъ чужихъ мыслей на другія—чужія же. Съ первой своей повѣсти и до конца Достоевскій остался однимъ и тѣмъ же; ему нельзя было измѣниться, потому что уже въ этомъ первомъ произведеніи вылилась его душа, сказался весь складъ его пониманія жизни. Отъ природы этой души зависѣло то, какія именно вліянія на нее дѣйствовали. И онъ нашелъ вокругъ себя тѣ вліянія, которыя поста-

вили его на его прекрасный путь, на тотъ русскій и христіанскій путь, который возбудилъ такое широкое и глубокое сочувствіе. Двѣ главныя силы спасли его отъ всякихъ односторонностей и дали высокое и чистое направленіе его таланту: одна сила была русская литература, другая—русскій народъ, т. е. простой народъ. Когда я узналъ Достоевскаго, онъ былъ горячимъ поклонникомъ Пушкина и Гоголя. Онъ и тогда любилъ читать тѣ самыя стихотворенія Пушкина, которыя потомъ читалъ на пушкинскомъ праздникѣ. Но тогда, въ тѣ молодые годы, онъ читалъ хуже, читалъ нѣсколько подавленнымъ голосомъ; въ этотъ же послѣдній годъ онъ достигъ такой твердости тона и мастерства выраженія, что я изумлялся: часто это было совершенство въ своемъ родѣ. Послѣ торжества, которое онъ одержалъ на пушкинскомъ праздникѣ, я часто думалъ: это торжество досталось ему по всѣмъ правамъ, потому что, безъ сомнѣнія, во всей этой толпѣ писателей и слушателей онъ *больше всѣхъ* любилъ Пушкина. На Гоголѣ же онъ былъ воспитанъ, какъ все поколѣніе, къ которому принадлежалъ, поколѣніе, для котораго литература имѣла въ тысячу разъ больше значенія, чѣмъ для нынѣшнихъ поколѣній.

Пушкинъ и Гоголь, эти два великана нашей словесности, замѣчательнымъ образомъ отразились уже въ первой повѣсти Достоевскаго, въ *Бѣдныхъ Людяхъ*. Именно тутъ прямо и ясно выражено, что авторъ не вполнѣ доволенъ Гоголемъ и что прямымъ своимъ руководителемъ онъ признаетъ только Пушкина. Тутъ выведенъ

на сцену чиновникъ, очень похожій на героя *Шинели* и *Записокъ Сумасшедшаго*. Знакомая этого чиновника даетъ ему прочесть *Станціоннаго Смотрителя*; тотъ очень хвалитъ повѣсть и очень жалѣетъ о бѣдномъ смотрителѣ. Потомъ та же знакомая посылаетъ Макару Дѣвушкину (такъ зовутъ героя *Бѣдныхъ Людей*) *Шинель* Гоголя; Дѣвушкинъ обижается, узнавъ себя въ такомъ безжалостномъ изображеніи, упрекаетъ свою добрѣйшую знакомую, горюетъ, напивается пьянъ и подвергается всякимъ бѣдамъ и оскорбленіямъ. Такимъ образомъ безпощадная иронія Гоголя осуждена какъ слишкомъ жестокое, сухое отношеніе къ людямъ. Еще болѣе она осуждается тѣмъ, какъ изображенъ самъ Дѣвушкинъ. Между тѣмъ какъ у Гоголя выставлена только одна ужасающая пустота и пошлость, Макаръ Дѣвушкинъ, этотъ новый Поприщинъ, обладаетъ сокровищами нѣжности, самоотверженія, лучшихъ сердечныхъ чувствъ, о красотѣ которыхъ онъ самъ и не догадывается. Между тѣмъ какъ никто въ мірѣ не пожелалъ бы быть Акакіемъ Акакіевичемъ или Поприщинымъ, всякій читатель долженъ съ завистью смотрѣть на несчастнаго Макара Дѣвушкина, всякій долженъ сознаться, что ему далеко до такой душевной красоты.

Таковъ былъ первый шагъ Достоевскаго, сдѣланный еще въ 1846 году. Это была смѣлая и рѣшительная *поправка* Гоголя, существенный, глубокій поворотъ въ нашей литературѣ. Дѣло въ томъ, что поправка Гоголя была необходима что ее неминуемо должна была сдѣлать наша литература, и дѣлаетъ ее до сихъ поръ, что

въ извѣстномъ смыслѣ и всѣхъ другихъ нашихъ крупныхъ писателей, Островскаго, Л. Н. Толстаго, можно считать поправкою Гоголя, можно въ этомъ видѣть главную ихъ оригинальность. Достоевскій началъ первый.

Да, не даромъ тосковалъ Гоголь, не даромъ усиливался создать что-то новое. То напряженно-чуткое настроеніе, въ которомъ Гоголю такъ ясно открывалась пошлость существующаго, было слишкомъ напряжено. Непобѣдимое отвращеніе поднималось въ немъ при видѣ безобразія и безсмыслія русской жизни, этой жизни, въ которой все хорошее стыдливо и упорно прячется въ глубину, тогда какъ пошлое и грязное щеголяетъ на виду и всѣмъ мечется въ глаза. Конечно Гоголь лилъ тѣ *тайныя слезы*, о которыхъ онъ говоритъ; но это были слезы сожалѣнія восторженнаго идеалиста, а не слезы любви. И чѣмъ больше мы станемъ вникать въ смыслъ всей послѣ-гоголевской литературы, которую начинаетъ собою Достоевскій, тѣмъ намъ яснѣе будетъ и коренной недостатокъ Гоголя, и вся настоятельная потребность, которую чувствовали наши художественные писатели—избѣжать односторонности и пойти по новому пути.

Пусть простятъ мнѣ эти указанія на развитіе нашей литературы. Художественная дѣятельность была для покойнаго главнымъ, первымъ дѣломъ въ жизни, и если мы хотимъ почтить его память, соблюсти его завѣтъ, то прежде всего, больше всего намъ слѣдуетъ вникать въ глубину и духъ его художественной дѣятельности и беречься, какъ бы не истолковать этой дѣятельности

ъ неправильномъ смыслѣ. Примѣръ того, что сталось ъ Гоголемъ, на вѣки поучителенъ. Настроенія, господствующія въ нашемъ обществѣ, предубѣжденія, которыми оно постоянно заражено, отсутствіе твердыхъ началъ, которыя сдерживали бы шатаніе мыслей и думъ, се это производитъ то, что самое чистое и простое явеніе у насъ подвергается самымъ страннымъ перетолованіямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Достоевскій удетъ перетолкованъ; на немъ станутъ строить такіе ыводы и его произведеніями будутъ питать такія чувгва, которые глубоко противорѣчатъ его истиннымъ мыслямъ и чувствамъ. Умы нашей интеллигенціи слишкомъ ривыкли ходить по извѣстнымъ колеямъ и будутъ на ихъ сбиваться, несмотря на сильнѣйшія потрясенія. сть два чувства, привычныя для нашихъ образованыхъ людей и обыкновенно питающія ихъ душевную изнь сверхъ житейскихъ интересовъ: одно — чувство егодованія, такъ-называемаго благороднаго негодованія, на всякое зло и безобразіе, и другое — чувство салѣнія къ Россіи, сострадательное созерцаніе ея скуости и жалкой участи. Оба чувства — очень хорошія, о, къ несчастію, отдѣленныя слишкомъ тонкою чертою ъ дурныхъ чувствъ: негодованіе граничитъ съ озлобеніемъ, а сожалѣніе съ высокомѣріемъ, такъ что часто юди, повидимому постоянно предающіеся самому благоодному настроенію, въ сущности, даже сами того не мѣчая, питаютъ лишь свои дурныя свойства и только зъ нихъ почерпаютъ все свое видимое благородство.

Достоевскомъ могу твердо свидѣтельствовать, что онъ

былъ безупреченъ въ этомъ отношеніи, что никогда он не измѣнялъ уваженію къ великой родинѣ и никогда негодованіе у него не могло перейти въ озлобленіе. В этомъ онъ истинный образецъ для насъ. Онъ ли не по терпѣлъ отъ существовавшихъ порядковъ? Но изъ стра даній, которыя онъ перенесъ, онъ не вынесъ ни малѣй шаго озлобленія и не выводилъ даже права на тот особый авторитетъ, который у насъ общество приписы ваетъ пострадавшимъ, и который часто присвоиваютъ себѣ пострадавшіе. Онъ вовсе не хотѣлъ быть въ чьихъ нибудь глазахъ страдальцемъ и, бывало, сердился, когда съ нимъ начинали рѣчь въ такомъ смыслѣ. Обыкновенный тонъ его былъ веселый и бодрый, тотъ-неподражаемо-прекрасный тонъ, который онъ часто бралъ потомъ въ своемъ *Дневникѣ*, когда разсуждалъ о самыхъ тяжелыхъ и больныхъ вопросахъ. Въ то время, около 1860 года, были въ ходу, какъ и теперь, литературныя чтенія, и Ѳеодоръ Михайловичъ иногда читалъ на нихъ отрывки изъ *Мертваго Дома*, только что написаннаго. Однажды, послѣ такого чтенія, онъ сказалъ мнѣ: «знаете ли, мнѣ всегда немножко непріятно читать изъ *Мертваго Дома*; выходитъ такъ, какъ будто я все жалуюсь публикѣ, все жалуюсь,—это не хорошо».

Вообще въ немъ было поразительно развитіе личности, необыкновенная душевная энергія. Мнѣ довелось видѣть его въ самыя тяжелыя минуты, послѣ запрещенія журнала, послѣ смерти брата, въ жестокихъ затрудненіяхъ отъ долговъ — онъ никогда не падалъ духомъ до конца, и мнѣ кажется нельзя представить себѣ обстоя-

ществъ, которыя могли бы подавить его. Это было особенно изумительно при его страшной впечатлительности, причемъ онъ обыкновенно не сдерживался, а предавался вполнѣ своимъ волненіямъ. Какъ будто одно другому не только не мѣшало, а даже способствовало. Прямо изъ его собственной души говоритъ одинъ изъ его героевъ, Дмитрій Карамазовъ: «столько во мнѣ силы, что я все поборю, всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ — я есмь; въ пыткѣ корчусь, но есмь»! («Братья Карамазовы». т. II, стр. 411).

Въ своей литературной дѣятельности онъ также проявилъ живучесть и энергію, какъ никто другой. У него были періоды ослабленія дѣятельности, какъ будто упадка; но потомъ онъ вдругъ подымался выше прежняго и показывался съ новой стороны. Такихъ подъемовъ можно насчитать четыре: первый — *Бѣдные Люди*, второй — *Мертвый Домъ*, третій — *Преступленіе и Наказаніе*», четвертый — *Дневникъ Писателя*. Подъемы эти были поразительны для самыхъ близкихъ къ нему людей; въ немъ былъ неистощимый запасъ силъ, что-то загадочное, не подчинявшееся обыкновенной постепенности развитія.

Новые образы, новые планы романовъ, новыя задачи являлись у него безпрестанно, осаждали его. Это даже мѣшало ему работать, и иные изъ его романовъ составляютъ цѣлые клубки переплетшихся между собою темъ. Конечно, онъ написалъ только десятую долю

тѣхъ романовъ, которые онъ уже обдумалъ, ун
носилъ иногда въ себѣ многіе годы; нѣкоторые он
разсказывалъ подробно и съ большимъ увлеченіемъ;
такимъ темамъ, которыхъ онъ не успѣвалъ разрабо
тать, у него конца не было.

И вотъ онъ неутомимо изображаетъ тѣ лица и кар
тины, которыя составили его славу. Онъ рисуетъ чу
десныя идилліи среди величайшей грязи; благородство
нѣжность, великодушіе въ пошлѣйшей обстановкѣ
онъ не дѣлаетъ своихъ лицъ, какъ Викторъ Гюго, теа
тральными героями, не заставляетъ ихъ совершать чу
десъ и подвиговъ; онъ твердо держится строгаго реа
лизма, завѣщаннаго Гоголемъ, но въ величайшемъ бе
зобразіи умѣетъ видѣть человѣческія черты. Онъ идетъ
далѣе: онъ выводитъ предъ нами вереницу преступни
ковъ, полупомѣшанныхъ, идіотовъ, самоубійцъ, боль
ныхъ физически и еще болѣе нравственно, и изобра
жаетъ ихъ душевную жизнь съ удивительною точностью
и объективностью, но онъ, какъ Диккенсъ, признаетъ
за всѣми ими человѣческія права; онъ не ставитъ ихъ
въ положеніе не людей, такихъ существъ, которыя
должны быть чужды нормальному человѣческому обще
ству: у него *идіотъ* выходитъ лучше самыхъ здравомы
слящихъ людей. На этомъ пути Достоевскій шелъ очень
далеко: страшно было видѣть (по крайней мѣрѣ я
иногда не могъ воздержаться отъ страха), какъ онъ
все глубже и глубже спускается въ душевныя бездны,
въ ужасныя бездны нравственнаго и физическаго рас
тлѣнія (это его собственное слово). Но онъ выходилъ

нихъ невредимо, то есть не утрачивая мѣрила до-
и зла, красоты и безобразія.

О достоинствѣ этихъ изображеній не можетъ быть
ора. Не смотря на неправильную и неясную построй-
иныхъ романовъ (не въ цѣломъ, которое всегда бы
стройно и ясно, а въ частяхъ), не смотря на полу-
нтастическую постановку сценъ и отношеній между
йствующими лицами, изъ каждой картины Достоев-
каго била такая правда душевная, такая глубина ду-
евной правды, что не возможно было не испытывать
ивѣйшаго впечатлѣнія. Бредъ идіота и сумашедшаго,
уки преступника и самоубійцы, лихорадочные сны,
аллюцинаціи — все было понятно и ясно. Читатель
ъ жадностью слѣдилъ за мыслями и чувствами лицъ,
которыхъ никогда не имѣлъ понятія, и съ изумле-
іемъ видѣлъ, какъ эти мысли и чувства отражаются
ъ его собственной душѣ.

И такъ, страданіе, отчаяніе, преступленіе, болѣзнь —
отъ постоянныя темы Достоевскаго. А въ чемъ же глав-
ое поученіе, какой общій выводъ? Неужели опять —
ныніе и злоба? О нѣтъ, это ясно всѣмъ до очевидно-
ти. Надъ гробомъ покойнаго, на этомъ великомъ тор-
ествѣ его похоронъ, великомъ по своей искренности,
езпрерывно раздавались слова, сами собою приходив-
ія на умъ, при воспоминаніи о его дѣятельности.
ти слова: *прощеніе*, *любовь*. Думаю, что это высшая
есть изъ всѣхъ возданныхъ покойному.

Идеалъ христіанина — вотъ та господствующая

мысль, которую онъ такъ смѣло и горячо проповѣ
валъ въ своемъ *Дневникѣ*, которую прямо выраз
въ своемъ послѣднемъ романѣ и которая особенно
но установилась въ его душѣ кажется во время
трехлѣтняго житья за границей (1868 — 1871 год
Въ 1869 г. онъ мнѣ писалъ изъ Флоренціи: «Сущно
русскаго призванія состоитъ въ разоблаченіи предъ
ромъ Русскаго Христа, міру невѣдомаго и котораго
чало заключается въ нашемъ родномъ православіи.
моему, въ этомъ вся сущность нашего будущаго
вилизаторства и воскрешенія хотя бы всей Европы
вся сущность нашего могучаго будущаго бытія. Но
одномъ словѣ не выскажешься и я напрасно даже
говорилъ». (Письмо 1869 г: 30 (18) марта).

Въ идеалѣ Христа онъ нашелъ такимъ образо
оправданіе своей всегдашней любви къ простому ру
скому народу и нашелъ высшій смыслъ своего горяча
патріотизма. Любовь къ простому народу, къ *почв*
какъ говорилъ Достоевскій, есть знаменательное яв
ніе въ нашей литературѣ вообще; сознаніе духовн
красоты и духовнаго здоровья, которыя народъ сохр
нилъ, а мы утратили, давно у насъ зародилось и возр
стаетъ съ каждымъ днемъ. Достоевскій, по всему скл
ду души, по своей способности симпатизировать вн
тренней красотѣ, былъ всегда, какъ Пушкинъ, покло
никомъ простаго народа. *Записки изъ Мертваго Дом*
въ которыхъ съ такимъ сочувствіемъ нарисованы н
родные типы, написаны раньше, чѣмъ онъ могъ н
звать себя славянофиломъ, какъ называлъ въ послѣ

годы. А еще раньше, до ссылки, написана повѣсть *Взяйка*, такъ разсердившая нашихъ западниковъ.

Такому человѣку, конечно, долженъ былъ открыться и главный нервъ народной жизни, высокій идеалъ тости, подчиняющій себѣ весь нравственный складъ рода, дающій этому народу такую несокрушимую зненность и крѣпость. Вотъ тотъ послѣдній и высій авторитетъ, которому подчинился Достоевскій, вотъ мое важное изъ вліяній, имѣвшихъ на него дѣйствіе, отъ окончательная дорога, къ которой пришло это звитіе. Когда онъ вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ лъ почти уединенно со своею семьею безъ развлечей и дѣлъ (хотя въ большихъ затрудненіяхъ и трудахъ), онъ принесъ съ собою то настроеніе глубокаго миленія, въ которое привело его долгое погруженіе въ тотъ строй мыслей. Были минуты, когда онъ и выраженіемъ лица и рѣчью походилъ на кроткаго и яснаго тшельника. Да, онъ былъ христіаниномъ, онъ ясно налъ тотъ идеалъ, къ которому нужно стремиться режде всего другаго.

Это тотъ путь, по которому идутъ простыя души и ъ которому, какъ мы видимъ, приходятъ и самыя одаенныя души, иногда долго блуждавшія по другимъ пуямъ. Всѣ знаютъ уже, что идеалъ Христа сталъ высимъ идеаломъ и для другаго нашего художника, гр. . Н. Толстого. Переходы были тѣ же, какъ у Достоевскаго. Л. Н. Толстой всею своею натурою, всею симатіею своего великаго художественнаго чувства былъ аправленъ и устремленъ къ народу, и долгое и лю-

бовное созерцаніе народа открыло ему идеалъ, рымъ живетъ народъ. Это совпаденіе съ Достоевс было поразительно. Они не были знакомы дру другомъ, но въ послѣднее время оба все собир познакомиться. Позволю себѣ привести нѣсколько с изъ письма Л. Н. Толстого, писаннаго ко мнѣ въ цѣ Сентября прошлаго года. «Я не понимаю», н онъ, «жизни въ Москвѣ тѣхъ людей, которые са понимаютъ ее. Но жизнь большинства, — мужи странниковъ и еще кое-кого, понимающихъ свою ж я понимаю и ужасно люблю. Я продолжаю раб надъ тѣмъ же, и кажется не безполезно. Наднях здоровилось и я читалъ *Мертвый Домъ*. Я мног былъ, перечиталъ и не знаю лучше книги изъ все вой литературы, включая Пушкина. Не тонъ, а зрѣнія удивительна, — искренняя, естественная и стіанская. Хорошая, назидательная книга. Я на дался вчера цѣлый день, какъ давно не наслажд Если увидите Достоевскаго, скажите ему, что люблю». (Письмо 1880 г., 26 Сентября).

Я принесъ это письмо Ѳеодору Михайловичу. была одна изъ прекрасныхъ минутъ и для него, меня, какъ свидѣтеля.

И такъ, въ любви къ народу, переходящей въ данность высшему народному идеалу, идеалу Хр завершается дѣятельность двухъ нашихъ лучших должниковъ слова.

Отсюда намъ всего яснѣе открывается и с произведеній Достоевскаго. Кромѣ общей симпат

мъ «униженнымъ и оскорбленнымъ», у него, особенно во второй половинѣ дѣятельности, является опредѣленная задача — изобразить больныя стороны нашего общества, оторваннаго отъ народа. Онъ выводитъ намъ два ряда типовъ: «нигилистовъ», явившихся въ послѣдніе десятки лѣтъ, и предшествовавшихъ имъ «людей сороковыхъ годовъ». Такъ и въ послѣднемъ романѣ драма идетъ между отцомъ Карамазовымъ, принадлежащимъ къ сороковымъ годамъ, и между его дѣтьми-нигилистами, Иваномъ и Смердяковымъ. И вотъ съ безподобною глубиною и тонкостью Достовскій рисуетъ намъ извращеніе этихъ душъ, искаженіе ихъ нашимъ такъ называемымъ просвѣщеніемъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ романахъ, наибольшая доля сочувствія принадлежитъ молодому поколѣнію, именно Ивану, въ которомъ изображена серьезная, искренняя преданность своимъ убѣжденіямъ, хотя и превратнымъ, увлеченіе, доходящее до поэзіи и грандіозности. Нельзя не замѣтить, что меньше всего Достоевскій щадилъ людей сороковыхъ годовъ; ихъ онъ какъ будто уже не прощалъ и выставлялъ или рѣзко-комическими, какъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій въ *Бѣсахъ*, или рѣзко отвратительными, какъ живьемъ схваченная фигура Ѳедора Павловича Карамазова. Къ нигилистамъ же онъ отнесся, можно сказать, съ отеческою скорбью, съ отеческимъ состраданіемъ. Молодое поколѣніе мало по малу поняло, съ какимъ сердцемъ онъ къ нему обращался, и отвѣчало заявленіями своей любви.

Но тутъ яснѣе чѣмъ въ другихъ романахъ Достоев-

ский поставилъ и положительную сторону дѣла. Не
же Россія состоитъ изъ прогнившихъ западниковъ, к
Ѳедоръ Павловичъ, и изъ безмѣрно-дерзкихъ ум
нигилистовъ, какъ его сынъ Иванъ. Отцеубійство
вершено несчастнымъ Смердяковымъ, грѣхъ котор
долженъ равно пасть и на его отца и на брата Ив
сбившаго съ пути жалкое созданіе. Но кромѣ ихъ
еще Дмитрій Карамазовъ, ординарный русскій челов
грубый богатырь, въ которомъ много зла, но мног
добра, и который отвѣчаетъ собою за чужія ви
Есть еще и, задатки будущаго — благочестивый и
стый сердцемъ Алеша. Да и Иванъ, любимецъ авт
Иванъ, который въ душѣ, въ мысли, убилъ отца, к
нигилисты въ мысли совершаютъ покушеніе на убій
нашего царства. Иванъ пораженъ своею совѣстью, к
громомъ, и, если онъ выздоровѣетъ, онъ опомнитс
станетъ другимъ человѣкомъ. Вотъ гдѣ намъ слѣду
искать поученія. Будемъ сильны и бодры, и несокру
мы никакой бѣдой, какъ Дмитрій Карамазовъ.
всѣхъ нашихъ безобразіяхъ, при всѣхъ претерпѣ
мыхъ несправедливостяхъ, будемъ чисты отъ ненав
и преступленія. Научимся, если придется, терпѣт
чужія вины и прощать, потому что онъ правду г
ритъ: «всѣ за всѣхъ виноваты».

Это черты настоящаго русскаго духа, того д
которымъ живетъ и растетъ и на вѣки могуча Русс
земля. Будемъ любить Россію тою любовью, кото
дышетъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», научимся
трѣть на нее не съ униженностью, какъ ея рабы, и

ъ высокомѣріемъ, какъ ея господа и учители, а съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ сыновья смотрятъ на мать. Постараемся «возродиться», какъ замышляетъ Дмитрій Карамазовъ, воспитать въ себѣ «новаго» человѣка, чтобы имѣть право на такія сыновнія отношенія, чтобы сталъ и для насъ идеаломъ идеалъ Христа, наполняющій собою душу нашей великой родины. Такъ, мнѣ думается, завѣщалъ намъ Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій.

Приведу еще нѣсколько строкъ изъ письма, полученнаго мною на-дняхъ отъ Л. Н. Толстого. Его здѣсь нѣтъ, но пусть и онъ участвуетъ въ нашихъ поминкахъ.

«Какъ бы я желалъ умѣть сказать все, что я чувствую о Достоевскомъ! Вы, описывая свое чувство, выразили часть моего. Я никогда не видалъ этого человѣка и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ; и вдругъ, когда онъ умеръ, я понялъ, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ. И никогда мнѣ въ голову не приходило мѣряться съ нимъ, никогда. Все, что онъ дѣлалъ (хорошее, настоящее, что онъ дѣлалъ), было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше. Искусство вызываетъ во мнѣ зависть, умъ тоже, но дѣло сердца — только радость. Я его такъ и считалъ своимъ другомъ, и иначе не думалъ, какъ то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдругъ читаю — умеръ. Опора какая-то отскочила отъ меня. Я расте-

рялся, а потомъ стало ясно, какъ онъ мнѣ былъ рогъ, и я плакалъ и теперь плачу. На-дняхъ, до смерти, я прочелъ «*Униженные и Оскорбленные*: умилялся».

За Н. Н. Страховымъ, М. А. Хитрово прочелъ с дующее стихотвореніе:

Какой богачъ, какой вельможа знатный
Скончался тутъ — и славенъ и великъ?
Съ утра, народъ, толпою необъятной,
Спѣшитъ взглянуть на мертвый этотъ ликъ.

Тутъ все гласитъ о жизни сокровенной,
Тутъ скромно все, и просто и бѣдно;
Но тутъ онъ жилъ — богачъ тотъ незабвенный,
Тутъ все еще душой его полно.

Въ той комнаткѣ, въ углу, подъ образами,
Гдѣ создавалъ, любилъ и мыслилъ онъ,
Лежитъ онъ тутъ съ застывшими чертами,
Въ великое безмолвье погруженъ.

Онъ былъ богачъ! Сокровищъ мнѣго, много
Въ своей душѣ великой онъ носилъ,
Онъ каждый день ихъ получалъ отъ Бога,
И каждый день онъ людямъ ихъ дѣлилъ.

И вотъ зачѣмъ тутъ всякій людъ столпился
Вкругъ богача — любимца своего,
Весь этотъ людъ въ единой скорби слился, —
Вѣдь это все, все нищіе его.

Онъ, заживо бесѣдовавшій съ небомъ,
Устами онъ Зосимы утѣшалъ,
Онъ ихъ питалъ своимъ духовнымъ хлѣбомъ
И милосердіе онъ въ души ихъ вливалъ.

Животворя порокъ и преступленье,
Онъ ихъ любви и милости училъ,
И онъ свое народное значенье
И жизнію и каторгой купилъ.

И вотъ зачѣмъ надъ нимъ вся Русь рыдаетъ,
И вотъ зачѣмъ толпится тутъ народъ;
А въ небесахъ его Христосъ встрѣчаетъ
И въ немъ свое наслѣдье узнаетъ.

Всѣ произнесенныя рѣчи и стихотворенія вызывали многократныя одобренія и сопровождались шумными рукоплесканіями.

Во время послѣдовавшаго за тѣмъ перерыва хоръ любителей, подъ управленіемъ М. А. Бермана, исполнилъ три музыкальныя пьесы.

Образцовое исполненіе пьесъ и самый выборъ ихъ произвели на присутствующихъ необыкновенное впечатлѣніе.

Затѣмъ предложены Совѣтомъ и избраны въ члены славянскаго Общества: генералъ-маіоръ С. П. Зыковъ. Л. Пташицкій и В. П. Степановъ.

Въ заключеніе О. Ѳ. Миллеръ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Милостивые Государи!

Никогда еще торжественныя собранія Славянскаго общества не были такъ многолюдны, какъ нынче! тимъ множествомъ не только своихъ сочленовъ, но и ножествомъ гостей, мы обязаны грустной злобѣ дня— оминовенію Ѳ. М. Достовскаго, вслѣдъ за столькими ругими поминовеніями справляемому въ томъ Обще-

ствѣ, которое имѣло счастье въ послѣднее время считать его товарищемъ предсѣдателя.

Была полоса, когда къ намъ стекались толпой — не сразу такой многолюдной, но зато постоянной, не оскудѣвавшей ни въ одинъ изъ тѣхъ трехъ дней въ недѣлю, въ которые собиралась особо избранная Коммиссія Славянскаго Общества, стремившаяся откликнуться на запросъ, сказавшійся въ самомъ Русскомъ Обществѣ, въ цѣломъ обществѣ. То было лѣто 1876 г. — пора сербской войны и русскаго добровольчества. Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій, при свойственной ему всегда прозорливости психолога и наблюдателя нравовъ, провидѣлъ, конечно, уже тогда, что такое необычайное одушевленіе неизбѣжно должно у насъ смѣниться настроеніемъ прямо противоположнымъ. Не даромъ писалъ онъ еще въ 60-хъ годахъ: «Увизжаться и прорваться отъ восторга—это у насъ самое первое дѣло; смотришь — года черезъ два и расходимся вновь, повѣсивъ носы» *). Со славянскими восторгами оно у насъ вышло такъ даже какихъ-нибудь *мѣсяца* черезъ два. Но Достоевскій никогда не унывалъ и не падалъ духомъ, при всей впечатлительности и болѣзненной нервности своей природы. Твердый въ своихъ славянскихъ сочувствіяхъ, онъ вѣрилъ, что общество наше рано или поздно уже прочнымъ образомъ вернется къ нимъ. Дѣло въ томъ, что для него эти сочувствія не представлялись только мимоходною данью и этого рода благотво-

*) Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ, глава 3.

рительности, данью, вызванною приглашеньемъ на то со стороны какихъ-нибудь добрыхъ знакомыхъ. Славянскія сочувствія не могли не выдвинуться у него прямо на первый планъ, ибо къ нимъ неизбѣжно приводили его задушевныя основы его направленія.

Достоевскій сталъ съ самаго начала и навсегда остался честнѣйшимъ, а потому и вполнѣ послѣдовательнымъ адвокатомъ всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ». Могъ-ли онъ не почувствовать въ себѣ неотразимаго призыва на защиту униженныхъ и оскорбленныхъ народностей? А не такими-ли издавна являлись въ Европѣ Славяне всѣхъ отраслей (за исключеніемъ развѣ Поляковъ — но вѣдь и тѣ приголубливались ею лишь лицемѣрно, въ пику Россіи). Не такими-ли окончательно оказались Славяне передъ послѣдней турецкой войной, а еще болѣе послѣ нея — въ лицѣ самихъ побѣдителей Русскихъ, обратившихся въ подсудимыхъ на Берлинскомъ конгрессѣ? Но дѣло въ томъ, что мы вѣдь и сами себя издавна унижали и оскорбляли. Мы сами забивали себя, свою народную личность, отрекаясь отъ своей исторіи, представлявшейся намъ какою-то «глуповщиной» еще задолго до употребленія этого слова сатирикомъ. Между тѣмъ Достоевскій любилъ и умѣлъ выставлять не вполнѣ забитыми самыхъ маленькихъ, самыхъ даже несчастныхъ людей, хотя ему приходилось подчасъ, съ болью въ сердцѣ, выставлять ихъ и вполнѣ опустившимися. Каково же было ему узнавать черты самой глубокой опущенности и приниженности въ русскомъ обществѣ—тѣмъ болѣе вызывавшемъ у него

жалость, что само оно, это общество, не чувствовало своего положенія, а напротивъ того въ этой народной своей обезличенности видѣло какую-то благовоспитанную печать европейскаго благородства. Каково было ему замѣчать, какъ гордое этой печатью, оно унижало и оскорбляло родной народъ, видя въ немъ лишь голодные желудки и ненасыщенные мозги, которые бралось оно наполнять со всѣми обычными презрительными пріемами *благодѣтелей*? Вспомните же, наконецъ, не могъ онъ не говорить, что эти, какъ вамъ представляется, пустые сосуды — живые люди, достойные не одной милостыни, но и уваженія и любви! Вспомните, что ваша умственная подачка — только чужое доброе, усвоенное старой привычкой жить не своимъ умомъ, подобно тому, какъ вы уже давно привыкли и физически жить не своимъ, а народнымъ трудомъ; — да, трудомъ этого самаго народа, въ которомъ вы вдругъ взялись изгладить будто ему присущій «звѣриный образъ».

Не мало различныхъ видовъ униженности и оскорбленности, унизителей и оскорбителей представляла Достоевскому наша русская жизнь при всѣхъ, обращаемыхъ къ ней запросахъ совсѣмъ на иное, — запросахъ всего Славянства. Но съ тѣми же запросами *на иное* нужно было куда-нибудь обратиться и европейскому міру — со всѣми его уцѣлѣвшими, на зло вѣковой и великой цивилизаціи, «несчастными» — въ широкомъ русскомъ смыслѣ этого слова.

Достоевскій былъ вполнѣ причастенъ европейской цивилизаціи со всѣми ея «святыми чудесами». Но имен-

но потому, что при всемъ величіи этихъ «чудесъ», въ ней все же остаются неизцѣлимые недуги, онъ обращается къ Европѣ, нашей путеводной звѣздѣ не со вчерашняго дня, съ непочтительными словами: «врачу, изцѣлися самъ». Впрочемъ сочувствіе этимъ словамъ явственно слышалось ему въ самой Европѣ — въ лицѣ ея лучшихъ людей, — тѣхъ, что, подобно ему, способны были принимать къ сердцу застарѣлые недуги, хотя бы гнѣздо ихъ оказалось вѣковѣчно свитымъ собственно въ той толпѣ, которую они уже не въ силахъ были вслѣдъ за Вольтеромъ называть la canaille. Достоевскій еще въ 60-хъ годахъ писалъ подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства съ Европой:

«Предрекъ же аббатъ Сіейсъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа — это *все*. «*Что такое* tiers-etat? *Ничего. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ*» *). Ну, такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались... Въ самомъ дѣлѣ, провозгласили вскорѣ послѣ него: liberté, égalité, fraternité. Очень хорошо-съ. Что такое liberté?—Свобода. Какая свобода?—Одинаковая свобода всѣмъ дѣлать все, что угодно, въ предѣлахъ закона. *Когда можно дѣлать все, что угодно? Когда имѣешь милліонъ.* Даетъ-ли свобода каждому по милліону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ милліона? *Человѣкъ безъ милліона есть не тотъ, который дѣлаетъ все что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все что*

*) Подчеркнуто авторомъ.

угодно *). Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Чтожъ остается изъ формулы: *братство?* Ну, эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенія на западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ какъ о великой движущей силѣ человѣчества и недогадывается, что *негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности.* Что дѣлать? Надо сдѣлать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братства нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской да и вообще западной его въ наличности не оказалось, а оказалось *начало личное*, начало особняка, усиленнаго самоохраненія, самопромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *Я*, сопоставленія этого *Я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому, что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самопоставленія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *Я*, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ *осталь-*

*) Подчеркнуто ораторомъ.

амъ, а все-то это *остальное* должно бы было *само* эйдти къ этой требующей права личности, къ этому дѣльному *Я* и само, безъ его просьбы, должно бы ило признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ бѣ, т. е. всему остальному что есть на свѣтѣ. Мало го, сама-то эта бунтующая и требующая личность ежде всего должна бы была все свое *Я*, всего себя жертвовать обществу и не только не требовать сво-о права, но напротивъ отдать его обществу безъ якихъ условій. Но западная личность не привыкла такому ходу дѣла: она требуетъ съ бою, она тре-етъ права, она хочетъ *дѣлиться* — ну и не выхо-итъ братства.... Чтожъ, скажете вы, надо быть безлич-стью, чтобъ быть счастливымъ? Развѣ въ безлично-и спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не лько не надо быть безличностью, но именно надо ать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, мъ та, которая теперь опредѣлилась на западѣ. Пой-те меня: *самовольное, совершенно сознательное и кьмъ непринужденное самопожертвованіе всего себя пользу всѣхъ есть по моему признакъ высочайшаго звитія личности*, высочайшаго ея могущества, вы-чайшаго самообладанія, высочайшей свободы собствен-ой воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ. йти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только и самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно раз-итая личность, вполнѣ увѣренная въ своемъ пра-ѣ быть личностью, уже не имѣющая за собою ни-акого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другаго

изъ своей личности, то есть никакого болѣе употреб
нія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе
были точно такими же самоправными и счастлив
личностями. *Это законъ природы; къ этому тян
нормально человѣка.* Но тутъ есть одинъ волосо
одинъ самый тоненькій волосокъ, но который если
падется подъ машину, то все разомъ треснетъ и
рушится. Именно: *бѣда имѣть при этомъ слу
хоть какой-нибудь самый малѣйшій разсчетъ
пользу собственной выгоды**).... Сдѣлать братства нел
а надо чтобъ оно *само собой сдѣлалось, чтобъ оно
ло въ натурѣ* **), безсознательно въ природѣ всего
мени заключалось, однимъ словомъ: чтобъ было бр
ское, любящее начало, — надо любить. Надо, чт
самого инстинктивно тянуло на братство, общину,
согласіе, и тянуло, не смотря на всѣ вѣковыя стра
нія націи, не смотря на варварскую грубость и не
жество, укоренившіяся въ націи, не смотря на вѣко
рабство, на нашествія иноплеменниковъ, — одн
словомъ, чтобъ потребность братской общины была
натурѣ человѣка, чтобъ онъ съ тѣмъ и родился,
усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ ч
состояло бы это братство, еслибъ переложить его
разумный сознательный языкъ? Въ томъ, чтобъ каж
отдѣльная личность сама, безо всякаго принужде
безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу:

---

*) Все это подчеркнуто ораторомъ.

**) Подчеркнуто авторомъ.

рѣцки, только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, ли вамъ во мнѣ надобность; не думайте обо мнѣ, давая свои законы, не заботьтесь нисколько,—я всѣ ои права вамъ отдаю и пожалуйста располагайте мною. го высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать и объ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничто-усь, сольюсь съ полнымъ безразличьемъ, только бы ше-то братство процвѣтало и осталось». А братство противъ должно сказать: «ты слишкомъ много даешь мъ. То, что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не при-ять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ е твое счастье; но что же дѣлать, когда у насъ без-рестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же е и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться минутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше чной свободы, какъ можно больше самопроявленія»....

....«Послѣ этого, разумѣется, ужь нечего дѣлиться, тъ ужь все само собой раздѣлится. Любите другъ друга все сіе вамъ приложится....

«Но опять-таки что же дѣлать соціалисту, если въ падномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а напро-въ начало единичное, личное, безпрерывно обособляю-ееся, требующее съ мечемъ въ рукахъ своихъ правъ? оціалистъ, видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уго-аривать на братство.... опредѣлять будущее братство, асчитываетъ на вѣсъ и на мѣру, соблазняетъ выго-ой, толкуетъ, учитъ, разсказываетъ сколько кому отъ того братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ; опредѣляетъ, чѣмъ каждая личность смотритъ, наскоЛь-

ко тяготѣетъ, и опредѣляетъ заранѣе разсчетъ (
земныхъ, насколько кто ихъ заслужитъ и сколько
дый за нихъ долженъ добровольно внести въ уп
свой личности въ общину.... Впрочемъ, провозгла
была формула: «каждый для всѣхъ и всѣ для кажд
Ужь лучше этого, разумѣется, ничего нельзя был
думать, тѣмъ болѣе, что вся формула цѣликомъ
изъ одной всѣмъ извѣстной книжки *). Но вотъ на
прикладывать эту формулу къ дѣлу и черезъ
мѣсяцевъ братья потянули основателя братства К
къ суду. Фурьеристы, говорятъ, взяли свои посл
девятьсотъ тысячъ франковъ изъ своего капита
все еще пробуютъ, какъ бы устроить братство. Н
не выходитъ.... Кажется ужь совершенно гарантир
человѣка, обѣщаются кормить, поить его, работу
доставить и за это требуютъ съ него самую капе
его личной свободы для общаго блага, самую, с
капельку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на
разсчетахъ, ему и капелька тяжела. Ему все ка
съ дуру, что это острогъ и что самому по себѣ лу
потому—полная воля. И вѣдь на волѣ бьютъ его
боты ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и во
него нѣтъ никакой, такъ нѣтъ же, все-таки ка
чудаку, что своя воля лучше. Разумѣется, соціа
приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дурак
дорось, не созрѣлъ и непонимаетъ своей собстве
выгоды....

*) Евангелія, разумѣется.

«И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи соціалистъ провозглашаетъ наконецъ: liberté, égalité, fraternité *ou mort*. Ну ужь тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ.

— А если буржуа торжествуетъ, такъ стало быть сбылась формула Сіейса буквально и въ послѣдней низости.»

Эта большая выписка была совершенно необходима. Можно, что уже тогда, въ 60-хъ годахъ, у Достоевскаго, вполнѣ сложились основы всего того, что онъ впослѣдствіи проводилъ въ своемъ «Дневникѣ Писателя», что внушило ему самыя горячія мѣста его Пушкинской рѣчи, оборону ея въ единственномъ лѣтнемъ номерѣ «Дневника» за прошлый годъ, наконецъ его лебединую пѣснь—тотъ первый и послѣдній № «Дневника» за нынѣшній годъ, который вышелъ въ свѣтъ въ день выноса его тѣла.

Корень европейскаго зла Достоевскій усматривалъ въ историческомъ началѣ Запада—*развитіи личности всей ея исключительности*. Но не даромъ, характеризуя *индивидуализмъ*, и извѣстный французъ-радикалъ, историкъ революціи, яркимъ образчикомъ противоположнаго—de la fraternité—выставлялъ явленье славянскаго міра: гуситство. Оно же сложилось на почвѣ *общины*, коренившейся, по выраженію Достоевскаго, «въ природѣ всего племени», хотя вслѣдствіе (его же выраженіе) «вѣковыхъ страданій», «варварской грубости и невѣжества», «нашествія иноплеменниковъ» и т. п., давнее расположеніе къ общинѣ могло быть и дѣй-

ствительно было всячески заглушаемо и извраща
Не смотря на весь этотъ фактическій упадокъ об
ности въ самомъ славянскомъ мірѣ, Достоевскій
должалъ возлагать всѣ свои надежды на ея принци
на воспитательную силу ея преданій, воспитател
не столько въ *политическомъ*, сколько въ *нравст
номъ* смыслѣ. Потому-то и говорилъ Достоевскі
своей пушкинской рѣчи: «О, народы Европы и не
ютъ, какъ они намъ дороги! И впослѣдствіи, я
въ это... будущіе русскіе люди поймутъ уже вс
единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ
но значить: стремиться внести примиреніе въ евр
скія противорѣчія уже окончательно, указать по
европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечело
ной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ брат
любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ конц
можетъ быть, и изрѣчь окончательное слово вели
общей гармоніи... Знаю, слишкомъ знаю, что слова
могутъ показаться восторженными, преувеличенны
фантастическими. Пусть, но я не раскаяваюсь, чт
высказалъ». Онъ не раскаявался и послѣ того, как
отвѣтъ ему было указано на тѣ европейскія учре
нія, при помощи которыхъ на Западѣ справилис
тѣмъ, съ чѣмъ не можемъ справиться мы. «Это Е
па-то справилась?» Спрашивалъ онъ въ отвѣтъ. Да
только могъ вамъ это сказать?... «Муравейникъ, д
уже созидавшійся въ ней безъ церкви и безъ Христа
церковь, замутивъ идеалъ свой, давно уже и повс
стно перевоплотилась тамъ въ государство), съ ра

нымъ до основанія нравственнымъ началомъ, утра-
вшимъ все, все общее и все абсолютное,—этотъ со-
давшійся муравейникъ, говорю я, весь подкопанъ».
ова эти опять послужили у насъ «камнемъ преткно-
нія и соблазна» для многихъ, но именно на Западѣ
и бы не смутили и не оскорбили ни одной дѣйстви-
ьно вѣрующей души, также точно, какъ именно *ра-
кальные* западные политики не смущаются и не ос-
рбляются невыгодными картинами европейскаго поли-
ческаго строя. Въ словахъ Достоевскаго объ этомъ
уравейникѣ», нѣтъ и тѣни мысли, чтобы въ нѣдрахъ
толичества и порожденнаго имъ протестанства не бы-
дѣйствительно вѣрующихъ,—но эти вѣрующіе, по
о представленію, давно уже жаждутъ и ищутъ цер-
и—дѣйствительной церкви, т. е. *вѣрующей общины*.
ы! она давно уже замѣнилась въ католичествѣ еди-
личнымъ авторитетомъ государя-папы, въ протестант-
вѣ—авторитетностью личнаго разумѣнія каждаго (т. е.
ждаго развитаго человѣка). А въ результатѣ вы-
дитъ издавнее безвѣріе именно офиціальныхъ блю-
телей вѣры въ католичествѣ, такъ глубокомы-
нное разоблаченіе Достоевскимъ въ его «Великомъ Ин-
изиторѣ», *) и неизбѣжность перехода отъ положи-
льной вѣры къ раціонализму въ протестантствѣ, на-
асно думающемъ остановиться на половинѣ дороги—
качествѣ исповѣданія, формулированнаго государ-
енною властью, къ соблазну искренно вѣрующихъ

*) «Братья Карамазовы» т. I, кн. 5, гл. 5.

протестантовъ, ищущихъ и не находящихъ насто
точки опоры. На расшатанное до основанія рел
ное начало указывало и указываетъ въ Европѣ м
множество числящихся какъ католиками, такъ и
тестантами; но, на дѣлѣ часто оказываясь просто
бывающими внѣ всякой церкви, они эту утрату «
общаго и всего абсолютнаго», не хотятъ или не
ютъ себѣ объяснить тѣмъ, что усовершенствованны
ханизмъ европейскаго общества движется «безъ
ста». Между тѣмъ для Достоевскаго этимъ-то и
ясняется непрочность того, что держится такимъ
низмомъ. «Грядетъ четвертое сословіе, говоритъ
стучится и ломится въ дверь, и если ему не отво
сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеалов
вергаетъ всякъ доселѣ бывшій законъ. На компром
на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете
нія. Уступочки только разжигаютъ, а оно хочетъ в
Наступитъ нѣчто такое, чего никто и не мыслитъ.
эти парламентаризмы, всѣ исповѣдываемыя теперь г
данскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банки
уки, жиды, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и без
но—кромѣ развѣ жидовъ, которые и тогда най
какъ поступить, такъ что имъ даже въ руку бу
работа. Все это «близко при дверяхъ». И это сл
ло, конечно, «камнемъ преткновенія», представл
какимъ-то юродствованіемъ великаго таланта, юрод
ваніемъ даже и не совсѣмъ гуманнымъ—между
чимъ потому, что тутъ задѣвались *жиды*. Но
стоевскій зналъ очень хорошо, что они даже вов

національность — что *жиды* могутъ быть и между *не евреями* всѣхъ національностей. Разумные между *евреями* (интеллигентные—какъ они сами себя называютъ) не обижались и даже писали Достоевскому теплыя, задушевныя письма. Зато вовсе не евреи обижались, и сильно обижались—за Европу! «Вы смѣетесь? продолжалъ Достоевскій. Блаженны смѣющіеся. Дай Богъ вамъ вѣку, сами увидите. Удивитесь тогда. Вы скажете мнѣ, смѣясь: «Хорошо же вы любите Европу, коли такъ ей пророчите.» А я развѣ радуюсь? Я только предчувствую, что подведенъ итогъ. Окончательный же расчетъ, уплата по итогу, можетъ произойти даже гораздо скорѣе, чѣмъ самая сильная фантазія могла бы предположить. Симптомы ужасны. Ужъ одно только стародавне-неестественное политическое положеніе европейскихъ государствъ можетъ послужить началомъ всему. Да и какъ бы оно могло быть естественнымъ, когда неестественность заложена въ основаніи ихъ и накоплялась вѣками? *Не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ какъ рабомъ* *). А вѣдь для этой единственно цѣли и слагались до сихъ поръ *всѣ* гражданскія (уже давно не христіанскія) учрежденія Европы, теперь совершенно языческой. А теперь-то вы, господа, теперь-то—указываете намъ на Европу и зовете пересаживать къ намъ тѣ самыя учрежденія, которыя тамъ завтра же рухнутъ, какъ пережившій свой вѣкъ абсурдъ и въ которыя и тамъ уже

*) Подчеркнуто оратором.

многіе умные люди давно не вѣрятъ, которыя держ
ся и существуютъ тамъ до сихъ поръ лишь по одн
инерціи. Да и кто, кромѣ отвлеченнаго доктринера мо
принимать комедію буржуазнаго единенія, которую
димъ въ Европѣ, за нормальную формулу человѣческ
единенія на землѣ? Они де у себя давно справили
*Это послѣ двадцати-то конституцій менѣе чѣ
въ столѣтіе, и безъ малаго послѣ десятка революцій*»
Живое воображеніе Достоевскаго, въ которомъ, п
всѣхъ его свойствахъ психолога и философа, постоян
сказывался и художникъ,—рисовало ему эту неизбѣжн
картину точно будто уже открывающеюся—къ вяще
соблазну и преткновенію людей разсудительныхъ. «З
тра, говорили они, завтра уже не станетъ Европы, в
Европы—и это намъ приходится слышать отъ тако
таланта, какъ Достоевскій»! Но изъ чего же выводи
вы, господа, что онъ предсказывалъ гибель *всей* Ев
пѣ, а не той лишь, которая, при всѣхъ своихъ «с
тыхъ чудесахъ», до сихъ поръ держала и держитъ
положеніи *илотовъ* свое же «четвертое сословіе»? Хо
бы вы немножко вдумались въ слова Достоевскаго,
вѣдь собственно только для *малой части человѣч
ства*, для ея интересовъ и наслажденій, до сихъ по
слагались всѣ — и самыя даже прогрессивныя у
режденія Европы.

Но вы считаете ее, эту Европу, единою спаса
щей—владѣтельницей ключей отъ земнаго рая, безъ к

---

*) Подчеркнуто ораторомъ.

рыхъ, коли оно такъ, и намъ никогда туда не войти. о подумали-ли вы о томъ, что соотвѣтствующее у ісъ европейской «малой части» властнаго человѣче-ва, тѣмъ паче есть *малая* часть сравнительно съ омаднымъ численнымъ преобладаньемъ у насъ того, о соотвѣтствуетъ «четвертому сословію»? Хорошо бы шло представительство для подавляющаго у насъ, кѣ нигдѣ, крестьянскаго большинства,—при простой ресадкѣ къ намъ любой, хотя бы и самой просторй, западной формы! Каково бы пришлось «стихійному льшинству» отъ горсти интеллигенціи изъ рѣдкихъ ахудалыхъ родовъ», болѣе частыхъ «потомковъ изстной подлостью прославленныхъ отцовъ», различхъ бароновъ, пановъ, и наконецъ *жидовъ*—какъ изреевъ, такъ и изъ христіанъ (т. е. людей, по выраженію Достоевскаго, «съ аппетитомъ» и притомъ вооруженныхъ культурными способами удовлетворять аппетиту). Вѣдь опасность отъ этой «интеллигенціи» неизжно усиливалась бы тою запущенностью, въ какой тавалось и остается у насъ дѣло просвѣщенья *наро*—т. е. до трехъ четвертей всего населенія Россіи. если вспомнить, что часть этой интеллигенціи выроа еще на крѣпостномъ правѣ, наслѣдовала его хотя и замаскированныя преданія, то какъ же не признать разительной глубины вопроса, задаваемаго Достоевимъ въ предсмертномъ его «Дневникѣ»:

«Захочетъ-ли прежній помѣщикъ стать интеллигентмъ народомъ?.. Не захочетъ-ли напротивъ опять возрдиться и стать опять надъ народомъ властью силы...

изъ самаго образованія своего создать новую властную и разъединительную силу и стать надъ народомъ аристократіей интеллигенціи, его опекающей?» Или, какъ замѣчаетъ онъ тутъ-же нѣсколько выше, «и теперь уже эта интеллигенція не думаетъ-ли про себя:

«А народъ опять скуемъ!»

Но самъ Достоевскій предвидѣлъ и оправдательные отвѣты на свои возраженія.

«Да не мы-ли, скажете вы, объ народѣ болѣемъ, не мы-ли объ немъ столь много пишемъ, не мы-ли его и къ нему призываемъ?» выражается онъ языкомъ своихъ противниковъ. «Такъ, вы все это дѣлаете, отвѣчаетъ онъ, но русскій народъ убѣжденъ почему-то, что вы не объ немъ болѣете, а объ какомъ-то иномъ народѣ, въ вашу голову засѣвшемъ и на русскій народъ не похожемъ, а его такъ даже и презираете. Это презрительное отношеніе къ народу — въ нѣкоторыхъ изъ насъ даже совсѣмъ безсознательное, положительно можно сказать, невольное. *Это остатокъ крѣпостнаго права*».

Да, именно оно и сказывается до сихъ поръ, сказывается совершенно невольно, у людей, считающихъ себя великими либералами, сказывается въ этомъ, постоянно повторяющимся, особенно въ послѣднее время, превознощеніи нашей интеллигенціи за одно съ столь-же часто повторяющимся приниженьемъ народа, признаваніемъ въ немъ, на всѣ лады, не чего иного, по выраженію Достоевскаго, какъ «печати звѣриной» и «звѣринаго образа». Въ послѣднемъ своемъ «Дневникѣ» Достоевскій вспомнилъ басню Крылова про свинью, готовую,

дорожа только жолудями, подрыть корни дуба. Но также умѣстно было бы вспомнить другую, болѣе приличную басню: о «листахъ и корняхъ». Все и сводится у насъ теперь именно къ отношеніямъ между ними. Хотите-ли узнать человѣка? Добейтесь прежде всего, за кого онъ: за листы, или за корни? Но многіе будутъ чистосердечно увѣрять, что они за корни, тогда какъ на повѣрку выйдетъ, что они только за листы. Достоевскій всегда стоялъ за корни.

Въ послѣднемъ своемъ «Дневникѣ» онъ говорилъ про одно магическое словцо, именно: «оказать довѣріе». «Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо онъ достоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду. И не нужно никакихъ великихъ подъемовъ и сборовъ; народъ можно спросить по мѣстамъ, по уѣздамъ, по хижинамъ. Ибо народъ нашъ, и по мѣстамъ сидя, скажетъ точь-въ-точь все то же, что сказалъ бы и весь вкупѣ, ибо онъ единъ. И разъединенный единъ и сообща единъ, ибо духъ его единъ. Каждая мѣстность только лишь свою мѣстную особенность прибавила бы, но въ цѣломъ, въ общемъ, все бы вышло согласно и едино. Надо только соблюсти, чтобы высказался пока именно только мужикъ, одинъ только заправскій мужикъ. О, не изъ какихъ-либо политическихъ цѣлей я предложилъ-бы устранить на время нашу интиллигенцію,—не приписывайте мнѣ ихъ пожалуйста,—но предложилъ-бы я это (ужь извините пожа-

луйста)—изъ цѣлей лишь чисто *педагогическихъ*. Да, пу-
скай въ сторонкѣ пока постоимъ и послушаемъ, какъ
ясно и толково съумѣетъ народъ свою правду сказать,
совсѣмъ безъ нашей помощи, и объ дѣлѣ, именно объ
заправскомъ дѣлѣ въ самую точку попадетъ, да и насъ
не обидитъ, коли объ насъ рѣчь зайдетъ. Пусть постоимъ
и поучимся у народа, какъ надо правду говорить. Уви-
давъ отъ народа столько дѣловитости и серьезности, мы
будемъ озадачены и ужъ, конечно, явятся изъ насъ, что
не повѣрятъ глазамъ своимъ, но такихъ будетъ слиш-
комъ мало, ибо всѣ дѣйствительно искренніе, всѣ во-ис-
тину жаждущіе правды, а главное дѣло, заправскаго дѣ-
ла и общей пользы, — такіе всѣ присоединятся къ пре-
мудрому слову народному; всѣ-же неискренніе разомъ об-
наружатъ все свое содержаніе и обнаружатся сами. А
если останутся и искренніе, что и тогда въ народъ не
увѣруютъ, — то это какіе нибудь старовѣры и доктри-
неры сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, *старыя не-
исправимыя дѣти, и они будутъ только смѣшны и
безвредны*».

«Я, продолжалъ Достовскій, *на молодежь надѣюсь;
и она у насъ страдаетъ «исканіемъ правды»* и тоской
по ней, а стало быть она народу сродни наиболѣе, и
сразу пойметъ, что и народъ ищетъ правды. А позна-
комясь столь близко съ душою народа, броситъ тѣ
крайнія бредни, которыя увлекли было столь многихъ
изъ нея, *вообразившихъ, что они нашли истину въ
крайнихъ европейскихъ ученіяхъ*. Совсѣмъ новая идея
вошла бы вдругъ въ нашу душу и освѣтила бы въ ней

е, что пребывало до сихъ поръ во мракѣ, свѣтомъ
ювимъ, обличила бы ложь и прогнала ее. И кто знаетъ,
ожетъ быть это было бы *началомъ такой реформы*,
оторая по значенію своему даже могла бы быть выше
рестьянской: тутъ произошло бы тоже «освобожденіе»
- *освобожденіе умовъ и сердецъ нашихъ отъ нѣкоей крѣпостной зависимости, въ которой и мы тоже пробыли цѣлыхъ два вѣка у Европы, подобно какъ крестьянинъ, недавній рабъ нашъ, у насъ.* Я желалъ
ы только, *чтобъ поняли безпристрастно, что я ищу за народъ стою прежде всего, въ его душу, въ его великія силы, которыхъ никто еще изъ насъ не знаетъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ, — какъ въ святыню вѣрую* *), главное въ спасительное ихъ назначеніе, въ великій народный охранительный и зиждительный духъ, и жажду лишь одного: да узрятъ ихъ всѣ. олько что узрятъ, тотчасъ же начнутъ понимать и се остальное».

Слова эти—только восторженный набросокъ мысли, оторая должна была практически выясниться въ теченіи года — въ остальныхъ нумерахъ «Дневника». Въ ихъ собирался онъ подробно высказать, какъ это, какимъ способомъ «оказать довѣріе», т. е. полное довѣріе. Онъ разсчитывалъ, какъ я заключаю изъ недолгаго разговора съ нимъ при нашемъ предпослѣднемъ свиданіи, на участіе извѣстной части интиллигенціи—той, оторая ближе къ народу, а она у насъ все-таки есть.

*) Все это подчеркнуто ораторомъ.

Составить какой-нибудь сколокъ съ готоваго европейскаго образца, конечно, могли бы и просвѣщенные *бюрократы*, но на творческую работу въ духѣ «корней» способны лишь просвѣщенные *земскіе люди*. А именно къ *творчеству* и призывалъ Достоевскій! Страна съ нигдѣ небывалымъ численнымъ перевѣсомъ «основныхъ, коренныхъ людей» должна себѣ выработать совершенно своеобразныя соціальныя формы, — подобно тому, какъ съ другой стороны она неизбѣжно должна создать себѣ и совершенно своеобразную учебную систему. Творчество, только творчество, находилъ Достоевскій, послужило бы намъ настоящею «живою водою»!

«Оказать довѣріе» — полное довѣріе именно и значило бы вызвать творчество. А русскій народъ, поясняетъ Достоевскій, заслуживаетъ довѣрія, потому уже что самъ никогда не переставалъ довѣрять своей верховной власти. Дѣло выходитъ тутъ обоюдное. «Царь для народа, говоритъ Достоевскій все въ томъ же послѣднемъ своемъ «Дневникѣ»,—не внѣшняя сила, не сила какого-нибудь побѣдителя (какъ была на примѣръ съ династіями прежнихъ королей во Франціи), а всенародная, всеединящая сила, которую самъ народъ восхотѣлъ, которую выростилъ въ сердцахъ своихъ, которую возлюбилъ, за которую претерпѣлъ, потому что отъ нея только одной ждалъ исхода своего изъ Египта»....

«У насъ гражданская свобода можетъ водвориться самая полная, полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ.... Не письменнымъ листомъ она утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви народа къ царю, какъ къ отцу, ибо

дѣтямъ можно многое такое позволить, что и немыслимо у другихъ, у договорныхъ народовъ»....

Опираясь на старое историческое наше начало *довѣрія* Достоевскій тѣмъ самымъ призывалъ верховную власть на ничѣмъ несмущающееся постоянство въ великомъ освободительномъ подвигѣ. Вполнѣ захотѣть дать народу на самомъ дѣлѣ то, чего онъ еще нигдѣ не имѣетъ — значило бы, конечно, пойти на-зло всѣмъ предостереженіямъ изчужа относительно «тождества» такъ называемой русской партіи, панславизма и «нигилизма»! Это значило бы смѣло прочесть и признать на русскомъ, на общеславянскомъ знамени новое слово, слово дѣйствительно страшное для «Европы»,—той Европы, которая въ сущности составляетъ только, по пониманію Достоевскаго, малую властную часть человѣчества. Это значило бы пойти прямо на встрѣчу стремленіямъ той Европы, которая, по выраженію Достоевскаго, «стучится къ двери», т. е. загладить передъ нею, какъ и передъ собою, передъ своимъ *славянскимъ*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *міровымъ* призваніемъ, старый вольный и невольный грѣхъ состоянія на службѣ у «Меттерниховщины». Это значило бы неразумную службу Европѣ искупить разумнымъ служеніемъ человѣчеству! Тогда бы успокоился наконецъ и тотъ нашъ «скиталецъ», про котораго Достоевскій сказалъ въ Москвѣ, что «ему необходимо именно всемірное счастіе... дешевле онъ не примирится».

Достоевскій, говорятъ болѣе добросовѣстные изъ противниковъ, былъ *утопистъ* (въ сущности это тоже, что

пророкъ—званіе, котораго не хотятъ ему предоставить; но онъ, пожалуй, и самъ признавалъ себя утопистомъ. Да, онъ вѣрилъ въ концѣ концовъ въ *добрую волю* человѣка. Онъ вѣрилъ въ возможность конечнаго совпаденія доброй воли единоличной верховной власти съ природными стремленіями и задушевными чаяніями народа—отчасти отражающагося и въ своихъ интеллигентныхъ «скитальцахъ», хотя сами они не признаютъ этого. Вотъ онъ и говорилъ имъ въ Москвѣ: «смирись, гордый человѣкъ!» т. е. смирись передъ своимъ народомъ, признай себя духомъ отъ его духа. Но Достоевскій говорилъ также: «найди себя въ себѣ»—т. е. запасись же и самъ у себя тою доброю волею, недостатокъ которой въ другихъ сферахъ тебя такъ возмущаетъ.

Оглянись на тотъ же народъ, поучись у него, несмотря на то, что порою онъ можетъ быть грубъ до животности. Въ немъ, при всякихъ грѣхахъ, живо *сознаніе грѣха*, т. е. личной отвѣтственности передъ всѣми, а есть ли оно въ тебѣ? Привыкнувъ винить только все постороннее, ты и надежду привыкъ возлагать лишь на то, что опять таки внѣ тебя—*на формы*, *на механизмъ*, а что если даже при величайшемъ его совершенствѣ ты испортишь все дѣло собой: вѣдь довольно, по замѣчанію Достоевскаго, и того «тоненькаго волоска», какимъ является малѣйшій разсчетъ въ пользу собственной выгоды,—а что если въ тебѣ, по его же замѣчанію, засѣло вовсе не маленькое желаніе: «а самому-то мнѣ пусть будетъ *какъ можно лучше?*» Что если, между тѣмъ какъ ты ораторствуешь о братствѣ, тебя

даже вовсе не тянетъ на братство? Что если и самые твои подвиги—въ угоду тебѣ же, твоему тщеславію, а «долго тебѣ не вытерпѣть, особенно безъ шуму и безъ широкой огласки?» Что если, даже трудясь, ты остаешься чуждъ сознанья, что лишь «трудомъ спасенъ будеши»? Что если при всемъ твоемъ высшемъ уровнѣ—въ сущности твоему «аппетиту», твоему хотя бы и утонченному, но все же чувственному, т. е. животному Я, постоянно приносится въ жертву то духовное, высшее, властное надъ собою Я, которое именно и сказывается въ самопожертвованіи—единственномъ, настоящемъ самопожертвованіи, въ постоянномъ, неказистомъ самообереженіи отъ малѣйшаго залѣзанья въ чужія права? Загляни въ свою душу, не кривя душой! Вспомни московскій кличъ Достоевскаго: «Найди себя въ себѣ!»

Рѣчь эта была покрыта единодушными рукоплесканіями.

Во время засѣданія по предложенной подпискѣ было собрано г-жами: М. В. Каразиною и М. Г. Савиною 222 р., въ память Ѳ. М. Достоевскаго.

Засѣданіе было закрыто въ 11 ч. 10 м.

Въ дополненіе здѣсь помѣщается полный и исправленн
текстъ стиховъ К. К. Случевскаго, заимствованный и
только что вышедшей 2-ой книжки его «Стихотворені

И видѣли мы всѣ явленье эпопеи...
Библейскимъ чѣмъ-то, средне-вѣковымъ,
Она въ четыре дня сложилась съ небольшимъ
Въ спокойной ясности и красотѣ идеи!

И въ первый день, когда ты остывалъ,
И вѣсть о смерти городъ обѣгала,
Тревожной зюбы духъ недоброе шепталъ,
И мысль глубоко тосковала....
Гдѣ вы, такъ думалось, умершіе давно
«Отвѣтчики за раннюю кончину,
Успѣвшіе измять, убить на половину
И этой жизни чистое зерно!
Тлетворный духъ вашъ, отъ могилъ забытыхъ,
Онъ дѣло темное и послѣ васъ вершитъ,
Отъ жилъ въ груди его, порвавшихся, открытыхъ,
Отъ катафалка въ насъ глядитъ....

И день второй прошелъ. И вечеръ, наступая,
Увидѣлъ нѣкое большое торжество:
Толпа собралась шумная, живая,
Другого чествовать—поэта твоего!
Гремѣли пѣсни съ освѣщенной сцены,
Звучалъ съ нея могучій сильный стихъ,
И шли блестѣвшія огнями перемѣны
Людей, костюмовъ и картинъ живыхъ!
И въ это яркое и пестрое движенье,
Гдѣ мягкій голосъ твой — онъ долженъ былъ звучат
Внесенъ былъ твой портретъ, — какъ блѣдное видѣ
Нежданной смерти ясная печать!
И онъ возвысился со сцены — на престолѣ,

Въ огняхъ и звукахъ, точно въ ореолѣ....
И вѣяло въ сердца отъ этого всего
Сближеніемъ того, что живо, что мертво,
Рыданьемъ, радостью, сомнѣньями безъ счета,
И чѣмъ-то страшнымъ отъ «Бѣсовъ» и «Идіота»!
Тревожный злобы духъ — онъ уставалъ шептать!
Надѣяться хотѣлось, вѣрить, ждать!...

«Три дня въ туманахъ солнце заходило...
И на четвертый день—безмѣрно велика,
Какъ нѣкая духовная рѣка,
Тебя толпа въ могилу уносила...
Зима, испугана, какъ будто отступила
Предъ пестрой массою явившихся цвѣтовъ!
Качались перья пальмъ и свѣжестью листовъ
Сіяли лавры, мирты зеленѣли!
Разумные цвѣты слагались въ имена,
Въ слова! какъ будто говорить хотѣли!!
Чуть видной нощею какъ бы отягчена,
За далью сѣрой тихо исчезая,
Къ безмолвной Лаврѣ путь свой направляя,
Тихонько шла рѣка, и всей своей длиной
Вторила хорамъ, пѣвшимъ: упокой!!
И думалось тогда: чѣмъ объяснить полнѣй —
Стремленье волнъ людскихъ и стяговъ похоронныхъ,
Какъ не печалью нашихъ тяжкихъ дней,
Въ которыхъ много такъ забитыхъ, оскорбленныхъ?!

И въ ночь на пятый день, какъ то и прежде было,
Людей какихъ-то много приходило
Читать псалтырь у головы твоей....
Тамъ ты лежалъ подъ сѣнью балдахина,
И вкругъ тебя, какъ стройная дружина
Вдругъ обратившихся въ листву богатырей,
Изъ темноты собора проступая,

И про тебя былину измышляя,
Задумчивы, безмолвны, велики....
Подъ сводомъ высились лавровые вѣнки!
И грудой цѣлою они тебя покрыли,
Когда твой яркій гробъ мы въ землю опустили....
Морозный вѣтеръ выл.... но ранѣе его
Заговорила сдержанная злоба
Въ догонку шествію до временнаго гроба!!
По слѣду свѣжему тріумфа твоего,
Твои товарищи, и изъ того же круга,
Служащіе давно тому же что и ты —
Призванью твоему давали смыслъ недуга,
Тоскѣ предвидѣнья — смыслъ тронутой мечты!..
Да, да, дѣйствительно; безсмертье наступало,
Заговорило то, что до того молчало!..

И приняла тебя земля твоей отчизны! —
Дороже стала намъ одною изъ могилъ
Земля, которую безъ всякой укоризны,
Ты такъ мучительно и смѣло такъ любилъ!...

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности

С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества

въ 1880 году.

Къ 1-му Января 1880 г. въ С.П.Б. Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ состояло членовъ: почетныхъ 23, пожизненныхъ 36 и дѣйствительныхъ 103, всего 162.

Въ теченіе года избраны въ почетные члены: архіепископъ Одесскій Платонъ, Петръ Алексѣевичъ Лавровскій и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, а въ дѣйствительные члены: М. А. Аноева, Е. В. Богдановичъ, Е. Георгіевъ, В. П. Дельсаль, М. А. Добрянскій, Э. И. Дилленъ, А. Ѳ. Еноховичъ, Н. Н. Кармалинъ, В. Ѳ. Кимакъ, Н. Д. Можневскій, Н. Р. Овсяный, В. Е. Патеръ, П. Д. Паренсовъ, А. Д. Путято, М. И. Соколовъ, К. К. Случевскій, А. П. Уреніусъ, В. В. Фидровскій, И. Я. Хлопонинъ и Г. Шоповъ.

Въ 1880 г. смерть исторгла изъ среды Славянскаго Общества слѣдующихъ глубокопреданныхъ славянскому дѣлу членовъ: почетнаго—Измаила Ивановича Срезневскаго († 9-го Февраля) и дѣйствительныхъ—Аркадія Андреевича Карташева († 30-го Іюня) и Василія Степановича Барыкова († 15-го Ноября).

Говорить о томъ, какъ было исполнено Ѳ. М. Достоевскимъ возложенное на него общимъ собраніемъ порученіе—излишне, ибо кто не помнитъ восторженной рѣчи его на Пушкинскомъ празднествѣ.

26-го Мая, въ день рожденія народнаго поэта въ Святогорскомъ монастырѣ, гдѣ покоится его прахъ, отъ имени Славянскаго Общества, была отслужена панихида, а на могилу поэта, членомъ Общества, генералъ-маіоромъ А. А. Карташевымъ, былъ возложенъ лавровый, перевитый лентами, вѣнокъ.

8-го Сентября, въ день 500-лѣтней годовщины Куликовской битвы, С.П.Б. Славянское Общество чествовало память павшихъ въ битвѣ съ татарами за русскую независимость торжественною панихидою въ Исаакіевскомъ соборѣ, отслуженною, послѣ божественной литургіи, преосвященнымъ Гермогеномъ. Съ церковной каѳедры было сказано въ этотъ день законоучителемъ 1-й гимназіи священникомъ Соколовымъ полное значенія слово.

Въ состоявшемся въ этотъ день торжественномъ собраніи предсѣдатель К. Н. Бестужевъ-Рюминъ произнесъ рѣчь о битвѣ на Куликовомъ полѣ, а О. Ѳ. Миллеръ прочелъ написанное на туже тему графомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ стихотвореніе.

22-го Сентября въ Казанскомъ соборѣ была отслужена торжественная панихида по А. С. Хомяковѣ, М. П. Погодинѣ, И. и П. В. Кирѣевскимъ, С. Т. и К. С. Аксаковымъ, Ю. Ѳ. Самаринѣ, М. В. Ломоносовѣ, Ю. Венелинѣ и другимъ дѣятелямъ, радѣвшимъ о самостоя-

тельности русской жизни и мысли и о свободѣ славянскихъ народовъ.

Засѣданій совѣта въ 1880 году состоялось 30.

Совѣтъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, преслѣдуя возложенныя на него дѣйствующимъ уставомъ Общества цѣли, не оставлялъ своихъ заботъ о благолѣпіи православныхъ церквей въ славянскихъ земляхъ. Удѣляя часть своихъ доходовъ на подлержаніе нѣкоторыхъ славянскихъ церквей, Совѣтъ въ тоже время ходатайствовалъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о снабженіи раззоренныхъ церквей въ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи церковными облаченіями и принадлежностями и богослужебными книгами. Ходатайство Совѣта было встрѣчено Св. Синодомъ съ полнымъ сочувствіемъ. Отпущенныя Св. Синодомъ для славянскихъ церквей вещи и книги, отправлены по назначенію на счетъ славянскаго Общества.

Въ видахъ поддержанія литературныхъ учрежденій и предпріятій въ славянскихъ земляхъ, Совѣтъ Общества въ 1880 г. назначилъ пособія: на изданіе памятной книжки, по случаю исполнившагося 100-лѣтія русской школы въ Буковинѣ, русскому музею въ Пильзенѣ, редактору одной весьма распространенной газеты и высылалъ въ славянскія земли какъ свои, такъ и пожертвованныя изданія и книги. Изъ склада Славянскаго Общества въ 1880 г. послано въ славянскія земли 49 названій въ 546 экз. *)

*) Съ Мая 1877 г. по 1-е Января 1879 г. выслано въ славянскія земли 67 назв. въ 3,831 экз., а въ 1879 году 56 назв. въ 233 экз.

Пріѣзжимъ въ Петербургъ славянамъ (24), Совѣтъ выдавалъ денежныя пособія.

Какъ и въ предшествовавшемъ году Совѣтъ былъ особенно озабоченъ воспитаніемъ молодыхъ славянъ, пріѣхавшихъ въ Россію, и болгарскихъ сиротъ, вывезенныхъ русскими офицерами изъ Болгаріи, по окончаніи войны съ турками.

Помѣщеніе въ учебныя заведенія болгарскихъ и сербскихъ сиротъ было сопряжено съ особенными затрудненіями. Почти всѣ они не были подготовлены къ поступленію въ русскія учебныя заведенія. Благодаря однако-же просвѣщенному содѣйствію почетнаго члена Общества, высокопреосвященнаго митрополита С.-Петербургскаго Исидора, Совѣту Общества удалось всѣхъ почти южно-славянскихъ сиротъ, обращавшихся въ Совѣтъ съ просьбами, помѣстить въ Александро-невское духовное училище, однихъ на казенный счетъ, другихъ же съ платою за ихъ содержаніе изъ суммъ Общества. Двое помѣщены въ южно-славянскій пансіонъ Ѳ. Н. Минкова.

Всѣхъ стипендіатовъ на попеченіи Совѣта въ 1880 г. было 32 человѣка. Въ минувшемъ Январѣ Совѣтомъ зачислено въ число стипендіатовъ Общества еще трое.

Изъ числа стипендіатовъ въ 1880 г. двое окончили курсъ—одинъ (Н. Бобовъ) въ здѣшней учительской школѣ, а другой (Д. Козарищукъ) за границею. Двое черногорскихъ мальчиковъ (Гудель и Ковачевичъ), воспитывавшіеся въ Александроневскомъ духовномъ училищѣ, умерли.

Въ числѣ стипендіатовъ находятся 17 Болгаръ и 5 Сербовъ.

Въ настоящее время стипендіаты обучаются: 7 (А. Іоповъ, Б. Гордашевичъ, О. Глущевичъ, П. Тородіевъ, . Гулабчевъ, И. Калуджеровичъ и І. Яворацъ) въ цѣшнемъ и Московскомъ университетахъ, 1 (М. Стефановичъ)—въ медико-хирургической академіи, 1 (И. Николовъ)—въ С.П.Б. духовной академіи, 2 (С. Капривица М. Джаковичъ)—въ С.П.Б. семинаріи, 4 (К. Янковичъ, . Ивановъ, Жераичъ и Миляничъ)—въ Александровкомъ духовномъ училищѣ, 1 (С. Говедарецъ)—въ Одесскомъ реальномъ училищѣ, 1 (Н. Ковачевичъ)—за границею, 9 (С. Козаровъ, Я. Режабекъ, Ѳ. Мишковъ, А. Воздинскій, Д. Лачковъ, М. Четковичъ, С. Стояновъ, І. Ваковчіевъ и А. Стояновъ)—въ гимназіи и реальномъ училищѣ г. Николаева, живутъ же въ южно-славянскомъ пансіонѣ г. Минкова, 1 (В. Петровъ) въ пріютѣ человѣколюбиваго общества, одна (Е. Стойковичъ)—на высшихъ женскихъ курсахъ, двѣ (Т. Вѣнкова и А. Катранова)—на женскихъ врачебныхъ и фельдшерскихъ курсахъ, и двѣ (В. Живкова и Т. Тройловичъ)—на педагогическихъ курсахъ.

Изъ числа раненыхъ добровольцевъ, бывшихъ на попеченіи Совѣта, въ 1880 году умерли: поручики: М. Зѣтковъ, М. Яворскій, Н. Петровъ, и рядовые: Я. Петровъ и О. Макута; добровольцамъ Л. Милашевичу и И. Демидову, вслѣдствіе ходатайства Совѣта, по всеподданнѣйшему докладу главнаго штаба въ 27-й день прошлаго Ноября, Всемилостивѣйше назначены изъ го-

сударственнаго казначейства пенсіоны: первому — по 225 р., и послѣднему—по 190 р. въ годъ.

Въ Маѣ 1880 г. Совѣтъ Общества вошелъ въ сношеніе съ сербскимъ полномочнымъ министромъ въ Петербургѣ, о назначеніи нѣкоторымъ раненымъ добровольцамъ, согласно обѣщанію сербскаго правительства, распубликованному въ 1877 г., сербскихъ пенсій. О результатахъ этого ходатайства Совѣтъ въ настоящее время еще ничего не можетъ заявить общему собранію.

Издательская дѣятельность Общества выразилась въ окончаніи, въ началѣ 1880 г., печатанія русско-сербскаго словаря, составленнаго Петромъ Алексѣевичемъ Лавровскимъ, въ количествѣ 1,200 экз.

Предпринятый въ концѣ 1879 г. сборъ книжныхъ пожертвованій доставилъ Обществу книгъ 875 названій, въ количествѣ 8,574 экз., которые особою коммиссіею, учрежденною при Совѣтѣ подъ руководствомъ П. А. Васильчикова, были разсортированы и уже отправлены въ Софійскую публичную библіотеку, въ учебныя заведенія Софіи, въ Тырновъ, Габрово, Филиппополь, Самаково, Кюстендиль, Дупницу, Ломпаланку, Рущукъ, Варну, въ Бѣлградскую нородную читальню и во Львовъ.

Сборъ денежныхъ пожертвованій продолжался по подписнымъ листамъ, разосланнымъ еще въ 1875, 76 и 77 годахъ и далъ Обществу 6,320 руб. 65 коп.

Пожертвованій съ разными спеціальными назначеніями поступило 1,000 руб. 48 коп. и въ непосредственное распоряженіе Общества 1,546 руб. Изъ числа по слѣднихъ, 1,000 руб. прислалъ архіепископъ Одесскій

Платонъ и 500 руб. поступило по завѣщанію коллежскаго ассесора К. П. Макарова.

Попытки Совѣта возобновить устройство публичныхъ чтеній и вечеровъ дали Обществу въ 1880 г. 629 р. 45 к.

Состояніе и движеніе суммъ Общества за 1880 годъ было слѣдующее:

Къ 1-му Января 1880 г. на приходѣ состояло:

	руб.	коп.
Основнаго капитала	35,859	46
Издательскаго фонда	459	57 1/2
Капитала на помощь славянамъ . . .	44,752	88 3/4
Спеціальныхъ назначеній.	43,756	1 1/2
Расходнаго капитала	1,817	64 3/4
Всего. . . .	126,645	58 1/2
Въ теченіе 1880 г. поступило. . . .	15,207	62
За то же время израсходовано . . .	19,209	46
Въ томъ числѣ оборотныхъ расходовъ .	3,223	74
Главнѣйшіе расходы составляли:		
На помощь славянамъ, прибывшимъ въ Россію, и на воспитаніе славянъ . .	6,244	25
На поддержаніе научныхъ и литературныхъ сношеній съ славянскими землями, какъ-то: пособія на изданія, пособія нѣкоторымъ ученымъ, высылка въ славянскія земли періодическихъ изданій и книгъ	1,739	53
На пособіе церквамъ, покупку и пере-		

	руб.	коп.
сылку церковныхъ вещей и богослужебныхъ книгъ	1,441	36
На ежемѣсячныя пособія раненымъ добровольцамъ и ихъ семействамъ, 17 лицамъ, въ размѣрѣ отъ 3 до 25 р. въ мѣсяцъ и единовременныя пособія 50 лицамъ	1,970	65
На отпечатаніе русско-сербскаго словаря и брошюровку его 650 р. 63 коп., и покупку книгъ 155 руб., всего. . .	805	63
На наемъ и содержаніе квартиры съ прислугою и освѣщеніемъ	930	16
На содержаніе служащихъ	1,260	—
На расходы по веденію дѣлъ Общества, почтовые, телеграфные, печатаніе, переплетчику, канцелярскіе матеріалы, пріемъ и отправку тюковъ и посылокъ, на расходы по засѣданіямъ Совѣта и общимъ собраніямъ, на церковныя службы и на взиманіе сборовъ. . .	1,518	47
Передано разныхъ суммъ по принадлежности	75	67
Затѣмъ въ остаткѣ къ 1-му Января 1880 года состояло	22,643	75
А именно:		
Основнаго капитала	36,480	62½

	руб.	коп.
Издательскаго фонда.	419	87½
Капитала на помощь славянамъ . . . *)	31,305	53¾
Спеціальныхъ назначеній . . . . **)	52,424	78½
Расходнаго капитала.	2,012	92¾
Кромѣ того за сербскимъ правительствомъ въ долгу.	100,000	—

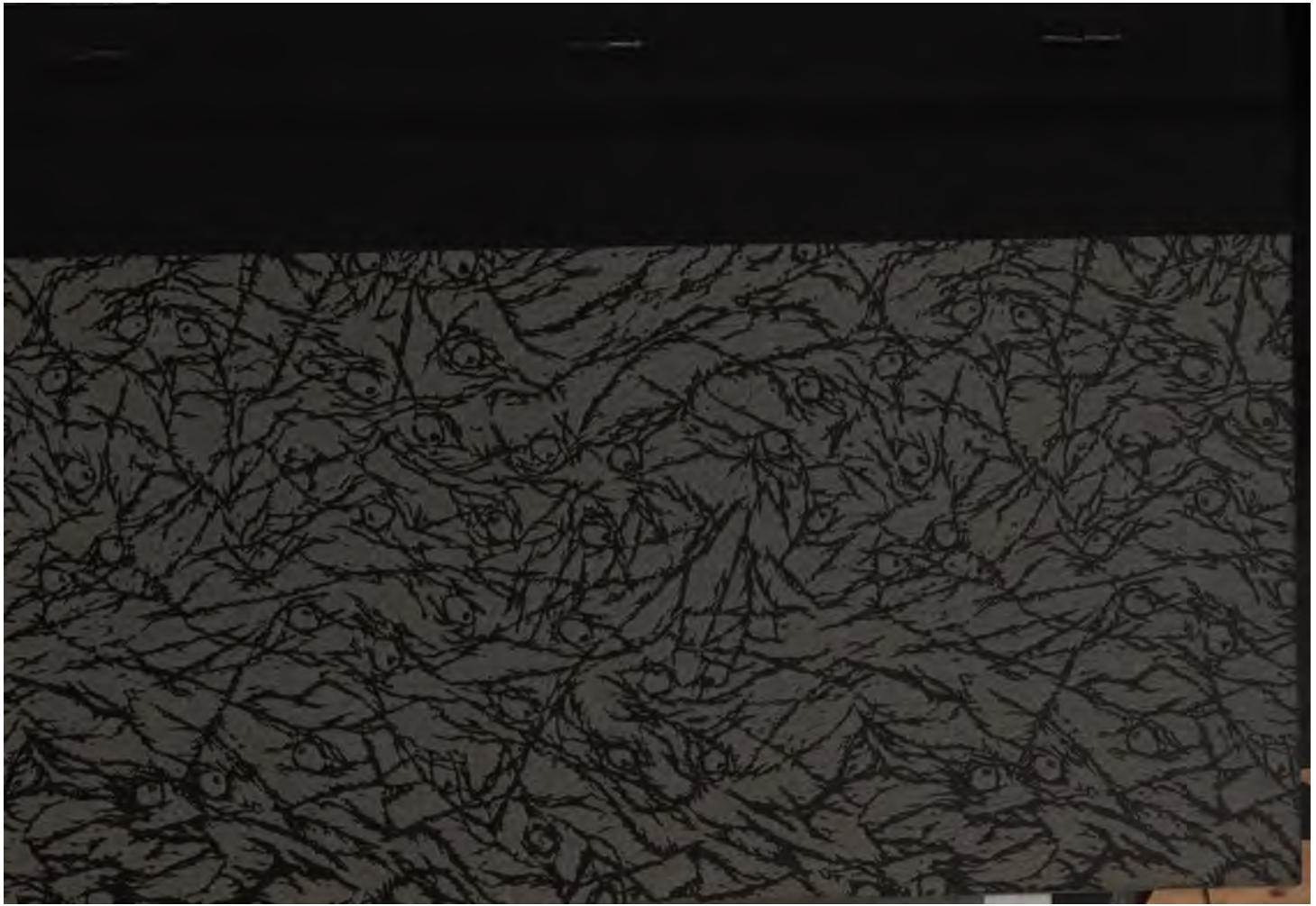
*) Изъ нихъ 30,150 руб. состоятъ въ сербскихъ облигаціяхъ займа 1876 г., на которые сербское правительство обѣщало въ нынѣшнемъ году уплатить проценты.

**) Въ этомъ капиталѣ заключается 10,614 р. 28 к., отчисленные, по постановленію Совѣта 18-го Сентября 1880 г., на содержаніе стипендіатовъ и прочіе необходимые расходы по 1-е Января 1882 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31-го Марта 1881 г.

Пожертвованія денежныя и вещевыя въ пользу
дающихся Славянъ принимаются ежедневно, отъ 1
часовъ утра до 3-хъ пополудни, въ помѣщеніи С.-П
бургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общест
Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго рус
музыкальнаго общества.

Цѣна 40 копѣекъ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02800 83

DO NOT REMOVE
OR
MUTILA